

ДЕНИС СТАРЫЙ

ЗОНА МОЛЧУНОВ

МЕРТВАЯ

ЖИВУЩАЯ

ТОМ I

Зона молчунов

Денис Старый

Мертвая тишина. Том 1

«Автор»

2026

Старый Д.

Мертвая тишина. Том 1 / Д. Старый — «Автор», 2026 — (Зона молчунов)

Не залипайте в телефонах на сомнительных ресурсах. Читайте книги и, возможно, не станете молчунами. Они не говорят, не чувствуют боли, не ищут еды. Только идут на любой звук и убивают. Я видел, как исчез привычный мир и наступила МЕРТВАЯ ТИШИНА. Хочешь пошуметь, будь готов умереть. Я — Александр Корзун. Ещё недавно агент под прикрытием, а теперь выживальщик. Мне нужно спасти тех, кто ещё может выжить. Только в новом мире не всегда ясно, кто опаснее, молчуны или люди. Без системы и государства человек становится хищником. Теперь я сам себе закон. И если у этой катастрофы есть причина, я найду того, кто за ней стоит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Мертвая тишина. Том 1

Глава 1

Март 1999 года, Белград, Югославия

Я шагал по бетонке аэродрома и то и дело тревожно поглядывал в небо. В вышине еще медленно таяли белесые инверсионные следы — автографы недавних пролетов натовских стервятников. Каким-то чудом этот военный аэродром до сих пор не сровняли с землей. Словно пока лишь пристреливались, брали в вилку. Либо на самом верху существовали негласные договоренности: дать коридор, чтобы отсюда могли улететь простые граждане других стран. Ну, или такие, как мы — граждане не совсем простые.

— Твою же... — сквозь зубы выдохнул я.

Ночной ливень щедро усеял бетон широкими лужами, и теперь мои дорогие, совершенно не патриотичные итальянские туфли с противным хлюпаньем ушли под воду. По щиколотку...

— Фух... Чего нас так далеко высадили? — проговорил идущий рядом офицер сопровождения, привычным движением поправляя тяжелый автомат на плече.

Я улетал вместе с коллегами. Формально — как представитель дружественной страны, хотя по совести я наши государства никогда не разделял, участвуя от Беларуси в этой критически важной операции. В конце концов, львиная доля сложнейших приборов для нашей миссии изготавливалась именно в Гомеле, в закрытых цехах предприятия «Интеграл». Ну а я был скорее оперативником, специалистом по коммуникациям, чем инженером, хотя и разбирался в технике.

Я бросил взгляд на спины идущих впереди коллег. Свои. Из той редкой породы людей, с которыми можно и в разведку, и за один стол, и даже спящими под этот самый стол — везде будет надежно и комфортно. Бывают чужаки, с которыми вечно фильтруешь каждое слово, ведешь себя жеманно и осторожно, а здесь — удивительно родственные души. Миха, Серый, Макс. Именно так, по-простому, а не «Михаил Батькович» или еще как-то по чину.

За плечами у нас уже хватало совместных передрыг, в которых мы притерлись друг к другу намертво. Да и по прилету домой предстояла огромная совместная работа. Еще и немало протоколов, которыми “обвешивают” в критически важных операциях, нас связывали. Так что... не коллеги, а побратимы.

Огромная туша транспортника Ил-76 уже стояла под загрузкой. Вокруг суетились, бегали служивые: счет шел на минуты, ведь в любой момент клятые натовцы, ведомые американцами, могли начать новую волну налета.

— Вы Корзун? — спросил меня один из членов экипажа, подозрительно всматриваясь в раскрытые документы.

Да, такова моя фамилия. Но я лишь мрачно промолчал. Читать же умеет, зачем спрашивать? Я и сам не понимал, почему вдруг стал таким дерганым и злым. То ли тревожная чуйка завывала где-то на подкорке, то ли просто взбесился из-за того, что насквозь промочил ноги. И эти черти на своих F-15 Орлах... Падалышки они, но не орлы!

— Значит, белорус, — констатировал офицер, пристально изучая мое лицо.

«Он что, дипломированный специалист-антрополог? — раздраженно подумал я. — По скулам и цвету глаз национальность вычисляет? Так я наполовину русский, если что».

— Предупрежден, — так и не дождавшись от меня словесного подтверждения, офицер сухо щелкнул корочкой и вернул документы.

Высоко в небе, на грани видимости, блеснули силуэты американских бортов. Пока не бомбардировщики — разведчики, гады. Высматривают цели. Значит, скоро с моря полетят «Томагавки». Но я успокаивал себя тем, что улететь нам все-таки дадут. Нынешняя Россия — далеко не могучий Советский Союз, но ржавая ядерная дубинка в арсенале еще имеется, с ней вынуждены считаться. К тому же здесь, на стоянках аэродрома, сейчас находилось больше русских самолетов, чем, собственно, югославских.

Местные МиГи стояли, выстроившись в ряд, словно грустные декорации для антуража. Хоть бы один взлетел, попытался отогнать натовские самолеты ДРЛО! Ведь пока агрессоры еще хоть немного «стесняются», ждут возможного жесткого ответа. А безнаказанность, как известно, порождает лишь новые преступления.

Внезапно все мы четверо — те, на ком лежала ответственность за груз, — синхронно повернулись в одну сторону. К рампе Ила медленно подъехал погрузчик. Наш ящик.

Я цепко осмотрелся по сторонам: нет ли лишних глаз возле самолета? По инструкции посторонних быть не должно, но мало ли. В конце концов, и варварских бомбардировок в самом центре Европы быть не должно, а они есть.

Массивный стальной ящик со скрежетом встал на роликовые дорожки, и лебедка с натужным воем быстро затянула его в темное нутро крылатой птицы. Макс немедленно шагнул следом. Он придирчиво осмотрел каждую грань контейнера, проверил свинцовые пломбы, с силой подергал массивные замки, затем нагнулся и проверил петли — не вскрывались ли по дороге. Хотя, как по мне, для такого сверхсекретного груза инженеры могли бы придумать систему запираения куда надежнее.

Но главным ответственным за физическую сохранность изделия был назначен Беркут — Максим Александрович Беркутов. Хотя де-факто головой отвечали мы все. Система «Рубеж» была не просто уникальным устройством. Это был критически важный козырь для выживания и дальнейшего развития Союзного государства России и Беларуси. Щит, созданный именно для того, чтобы в будущем такие вот безнаказанные бомбардировки ни Белграда, ни любого другого города союзной нам страны стали невозможны.

— Ни пуха нам, — негромко сказал командир корабля, проходя мимо.

— К черту, — глухо ответил ему Макс.

— К черту, — одними губами, себе под нос, повторил я.

— Готов лететь в Россию? — вдруг спросил Макс-Беркут, так и оставшись сидеть на корточках возле металлического контейнера с «Рубежом».

— Макс! — нервно усмехнулся я. — Ты что, с ящиком разговариваешь?

Может, Беркут мне что-то и ответил, но я этого уже не услышал. По ушам с физической болью ударил такой резкий, рвущий барабанные перепонки вой сирены, что я рефлекторно широко открыл рот и зажмурился.

— Воздушная тревога! — истошно заорал командир экипажа. — По местам!

На бетонке закипел настоящий ад суеты. Вот только что вокруг было почти пусто, а стало взвывать сирене — изо всех щелей, будто потревоженные тараканы, брызнули люди. Прежде всего, местные сербы: они бежали и что-то отчаянно кричали. Я сжал кулаки. Господи, умел бы я управлять истребителем... Ну почему, почему МиГи не взлетают?!

— Ба-бах! — первый взрыв оказался чудовищной, первобытной силы, сотрясшей саму землю под нашими ногами...

Гул двигателей стоял такой плотный, что из пилотской кабины до нас долетали не столько звуки, сколько густые эманации нарастающей тревожности. Явно не всё шло гладко.

— Значит, рискнем! — сквозь рев турбин услышал я выкрик Макса.

Я тяжело опустился на десантную скамью и намертво вцепился в выступающий рядом металлический поручень. И внезапно успокоился. Как это ни странно, но в таких ситуациях на меня безотказно действовала старая поговорка: «Двум смертям не бывать, а одной не мино-

вать». Я лишь на секунду задумался, чем могу сейчас помочь экипажу. Ответ был очевиден: ничем. Ну, тогда расслабляемся, наслаждаемся полетом и ждем, пусть даже и безуспешно, длинноногих стюардесс с прохладительными напитками.

Макс-Беркут вернулся из кабины в грузовой отсек. Лицо у него было озадаченное, желваки ходили ходуном, но паники не было и в помине. Ни у кого из нас. Не робкого мы десятка. Робкие ребята сейчас сидят на уютных диванах и смотрят за творящимся в Югославии кровавым кошмаром по телевизору.

Тяжелый самолет шел на взлет натужно, с надрывом, словно с трудом продирался сквозь невидимые вязкие сети, но всё-таки шел...

— Чёрт, давай же! Ну! — не выдержав, выкрикнул Серега.

Борт ощутимо трянуло, и мы все как по команде тревожно покосились на закрепленный ящик с «Рубежом».

— Ба-бах! — где-то совсем рядом ухнул очередной разрыв.

А дома меня ждет молодая жена. Беременная. Вот прибуду... Нет, сразу домой не получится. Впереди еще адски много работы с «Рубежом». Но она поймет, она у меня понятливая. Пусть и свято верит, что я скромно тружусь в министерстве образования, даже не догадываясь, что это лишь надежное прикрытие.

Я схватился второй рукой еще и за брезентовую стропу, когда многотонная машина, наконец, с ревом оторвалась от истерзанного бетона.

Макс, глядя в никуда, что-то быстро шептал себе под нос — вряд ли православную молитву. Может, шаманский ритуал исполнял? Шучу, конечно. Но в моменты смертельной опасности и запредельного напряжения внутренний юморок просыпается тот еще — черный, защитный.

— Есть отрыв!

— Уходим! Хрен вам!

Мужики радостно кричали, сбрасывая оцепенение, ну и я отрываться от коллектива не стал.

— Ура! — закричал я наше, постсоветское, самое правильное слово.

— А помирать нам рановато, — криво усмехнулся Макс.

— Есть у нас еще дома дела... — подхватил фразу Миха.

— Главное, чтобы молодая узнала, какой у парня был конец, — вставил и я свою циничную копейку в общую поэзию выживших.

Ил набирал высоту неохотно, тяжело. Как будто кто-то привязал к хвосту самолета гигантскую резинку, и она растягивалась до предела, но никак не отпускала.

Зря я, кстати, гнал на сербов. В круглом иллюминаторе мелькнули стремительные силуэты — совсем рядом прошли МиГи сербских ВВС. Ну, хотя бы теперь пиндосы не будут бить безнаказанно, как в тире.

— Так они сопровождают! — выкрикнул я, испытывая немалую гордость и радость за братушек.

Но с другой стороны, холодный рассудок подсказывал: натовцы мгновенно обратят внимание на неповоротливый транспортник, который так тщательно опекают сербские истребители. Спасибо братушкам, конечно, но мишень мы теперь первостепенная.

— С-сук! Только бы выйти из зоны и набрать безопасную высоту, — процедил Миха.

И тут нас снова рвануло.

Удар пришел прямо в хвост. Страшный толчок швырнул самолет. Я так резко дернул рукой, вцепившись в поручень, что с тошнотворным хрустом вылетел сустав, а в следующую секунду меня и вовсе сорвало с десантной скамейки. В отсек мгновенно ворвался ледяной сквозняк, и надсадный рев моторов начал захлебываться в жутком свисте воздуха, бьющего из пробоин.

— Пробоина! — заорал я, стараясь хоть как-то привстать с прыгающего пола и слепо хватаясь свободной рукой за стропу.

Самолет начал крениться, заваливаясь на крыло. Перегрузка словно припечатала меня к борту. Внутри грузового отсека хлынул морозный воздух вперемешку с едкой гарью. Летуны отчаянно пытались выровнять подбитую машину, но тяжелая птица уже неотвратимо клевала носом. Из кабины пилотов доносились крики. В них не было отчаяния или бабьей паники — только сухие команды, но разговаривать в таком чудовищном шуме было нереально, приходилось орать на разрыв голосовых связок.

Я проводил взглядом Беркута. Этот железный мужик умудрился даже в таком крутом пике, перехватываясь руками за стропы, добраться по наклонной палубе до бортового техника по авиационно-десантному оборудованию.

— Что там... скаж... мы... пада...? — сквозь свист и грохот я уловил лишь обрывки слов Макса.

Но всё и так было предельно ясно. Вероятность того, что моя молодая жена не увидит конец парня, стремительно приближалась к ста процентам. А жаль... Но «Рубеж»? Что будет с ним? Где мы вообще сейчас падаем? Над Балканами. Сколько-то минут мы успели пролететь. Над Черногорией? Или уже через Словению пошли?

Я встретился глазами с Серегой. Молча кивнул ему. Он кивнул в ответ. На его губах играла скупая, жесткая улыбка — именно так, как и подобает встречать мужественному человеку неизбежную смерть. Перевел взгляд на Миху — на его лице застыла та же обреченная, но спокойная решимость. Никто не паниковал. Мы будем держать лицо до самого конца... Так и нужно. Эх, молодая...

Вдруг в жуткую какофонию разрушающегося самолета вмешался еще один звук. Тонкий, нарастающий гул... исходящий от металлического ящика с «Рубежом». Беркут, оказавшийся рядом с контейнером, тоже замер и вслушивался. Значит, мне не показалось. Контузия тут ни при чем.

— Свет... Свет, твою же... — прошептал я, но в этом ревущем аду меня вряд ли кто-то услышал.

Сквозь щели бронированного ящика с секретной аппаратурой начал пробиваться пульсирующий, неземной свет. Такого просто не могло быть. Внештатная сработка! Самолет в штопоре продолжал терять высоту, а я в эти секунды не мог определиться, что именно сейчас волнует и пугает меня больше: неизбежный удар о землю или этот аномальный свет от мертвого «Рубежа». Наверное, всё-таки свет.

— Коды?! Миха, ты вводил коды?! Кто-нибудь вводил коды?! — истошно выкрикнул я, но мой голос потонул в грохоте.

Ослепительная, нестерпимо яркая вспышка заставила меня крепко зажмуриться. И открыть глаза я уже не успел.

Темнота...

Республика Беларусь, южная окраина города Гомель, наше время

Ледяные капли лупили по лицу с пролетарской ненавистью в буржуазии. Я разлепил веки. Темнота, дождь и... маленькая жаба, которая тарашилась на меня с явным неодобрением. Я ей что-то обещал? Жениться? Так женат. Стоило мне моргнуть, как она тактично свалила в кусты. Обиделась, наверное, царевна-лягушка.

Лежал щекой в грязи. Правый бок ныл так, словно по нему проехался асфальтоукладчик, но, осторожно пошевелив конечностями, я с удивлением понял: переломов нет. Даже скорая не понадобится. Стоп... Какая, к черту, скорая? Я же падал в самолете над Балканами. Выбросило взрывом? Но тут же своя скорая? Протокол...

Во тьме вдруг, словно маленькие фонарики, зажглись два желтых огонька. Или это игра света? Не так далеко вроде бы проехала машина с включенными фарами.

Я замер. Лишь глаза лихорадочно шарили по грязи в поисках хорошего дырна. Волк. В памяти некстати всплыли байки из моего нового гомельского микрорайона — перед самым отлетом на задание, говорили, что там волки совсем оборзели и начали жрать людей.

Но этот-то волк — югославский! Палок поблизости не было. Пальцы нащупали лишь увесистый кремень — из тех, какими моя теща заряжала воду у телевизора во время сеансов Чумака и Кашпиrowsкого. Отличное оружие против хищника. Нет, не теща, — она неплохой корм. Но если заряжен камень тещиной энергией, так и вовсе — оружие массового поражения. Теща у меня еще та атомная электростанция.

Я приготовился дорого продать свою жизнь, да хоть зубами грызть зверюгу. Но волк как-то странно на меня посмотрел. В его глазах мелькнуло то ли узнавание, то ли глубокая безразличность. Или... просьба о помощи? Может не время к нападению, зверь сыт?

Он повернулся ко мне плешивым задом и трусцой растворился во тьме. Судя по шороху, зверь был не один. Умные твари. Поняли, что с помятого меня взять нечего, ну или дорого обойдется зверюгам общение со мной. Но что-то тут было не то... странно вел себя зверь.

Я вцепился в ствол молодой елочки и со стоном поднялся. В сумерках у корней блеснули мокрые шляпки маслят. Эх, сейчас бы по грибы... Но выживать и собирать грибочки где-нибудь в Словении — так себе идея.

В голове набатом забились тревога. Провал миссии! А пацаны? Миха, Серый, Макс... Как они? Неужели я один выжил? А как же перевод в Минск, четырехкомнатная квартира от «министерства», жена, которая вот-вот должна родить? Стоп. Отставить панику. Живой — уже чудо. А дальше связь и действия по протоколу.

Я оглядел себя под проливным дождем.

— Красавец! — мрачно усмехнулся я.

Пиджак порван в трех местах, правый рукав держится на честном слове. Штанина разошлась по шву так удачно, что лишь чудом не проветривалось самое ценное мужское достояние. Явиться в таком виде к братушкам-сербам — значит, опозорить державу.

— Вот сербы удивятся, — пробормотал я. — Подумают, дикари прилетели.

Так да, дикари к ним и прилетели, только не на “сушках” или “мигах”, а на “стелсах” и “эфках”. И бомбят.

Я полез во внутренний карман и достал гордость Конторы — новенький, неубиваемый мобильник “Ericsson”. Связи, естественно, не было, а экран был мертв. В Гомеле далеко не во всех местах мобильная связь ловила, так что зря доставал аппарат.

— Калашников лучше, он безотказный, — философски заключил я, пряча бесполезный кусок пластика обратно.

Надо было выбирать к людям — это единственно верное решение.

До трассы оставалось метров четыреста. Я выбрел на обочину, тяжело дыша, и замер.

— Что за...

Мимо с влажным шипением шин пронеслась машина. Какая-то странная, дутая, с непривычно плавными обводами — точно не моя «Ауди-бочка». Я таких отродясь не видел. Наверное, стоит безумных денег. И кто в разбомбленной Югославии может позволить себе такую роскошь?

Но не успел я переварить эту мысль, как следом пролетели вторая и третья машины. Точно такие же инопланетные! На одной я успел разглядеть совершенно незнакомый логотип. Джили? Что за марка? Я медленно повернул голову.

— Чернигов 105 км, — вслух прочитал я указатель, тупо глядя на знакомый синий щит. А рядом белела табличка поменьше: — Поселок Цагельня.

Я стоял под дождем и чувствовал, как земля уходит из-под ног. К такому меня не то что жизнь, даже спецкурс при Академии КГБ не готовил.

Это был Гомель. Самая южная окраина города, возле знака на въезд в город. И елки эти показались знакомыми, хотя и гораздо выше, чем я помню. Я был дома.

Но как?! Почему?!

Впрочем, с присущим мне в стрессовых ситуациях идиотским юмором я тут же мысленно возмутился: раз уж меня каким-то чудом телепортировало с Балкан на родину, то почему не прямо в теплую постель к беременной жене, а в эти мокрые кусты?!

Я огляделся, узнавая местность. Странно. Когда я улетаю, здесь было пустое поле, частично засыпанное гравием под какую-то стройку. А сейчас — настоящий питомник из подросших елок.

Мимо с ревом пронесся огромный, агрессивного вида... как это... пикап. Кажется, «Тойота». Охренеть, заверните две! Откуда здесь столько новейших иномарок? Ладно, успокоил я себя. Граница с Украиной рядом, может, перегонщики колонну ведут. А вон и родная «шестерка» тащится, скрипя ржавыми рессорами. Фух. А то я уже начал думать о совершенно невозможном.

Я знал, в какой стороне находится мой строящийся микрорайон. И пошел быстро, почти бегом, подгоняемый дождем и липкой, нарастающей паникой.

Вскоре впереди показалось здание ГАИ. Но... какое-то странное запустение. Вместо привычного поста сияла яркая вывеска автосалона «Лада». А рядом выросла космического вида заправка. Меня не было всего три месяца! Когда успели?!

— Да, развиваемся, — нервно сглотнул я, глядя на сияющие витрины заправки, внутри которой, к моему изумлению, работал целый магазин.

Дальше я шел, стараясь не смотреть по сторонам. Мозг просто отказывался обрабатывать поступающую информацию. По лужам я шлепал дорогими туфлями, все такими же, не патриотичными, итальянскими. Не обращал внимания на порванный пиджак, саднящее ребро и иссеченное ветками лицо.

Я срезал путь через лесок, краем глаза отметив шикарную спортивную площадку с полем для мини-футбола, которой отродясь тут не было, и вышел на знакомую тропинку к своему микрорайону.

Вышел — и остановился.

На краю тропы стоял серебристый тополь. Огромный, толстый, насколько только могут вырасти подобные деревья, взрослый тополь. А был юнцом.

— Нет... — вслух сказал я. В груди похолодело. Стадия отрицания включилась на полную мощность.

Но многие факты били наотмашь, да все по мордасам, не жалея. Я отлично помнил это дерево! Я гулял здесь со своим ротвейлером Цербером. Псу очень нравился этот саженец — от силы два метра в высоту, — и он не ленился задирать на него лапу каждую прогулку. Видимо, одобрения пошли на пользу — вон как дерево вымахало... за сколько лет?!

Я поднял взгляд на свой микрорайон и сдался. Стадия принятия обрушилась на меня бетонной плитой.

Когда я улетаю в командировку, здесь сиротливо торчали два одиноких дома, нелепо возвышаясь посреди пустыря, как «Три тополя на Плющихе». Сейчас же передо мной раскинулся огромный, плотно застроенный жилой массив. Десятки многоэтажек. Вон один огромный магазин, через сто метров — второй. Зачем столько?!

Слева вытянулись ряды гаражей. Я на автопилоте побрел к своему дому, который с трудом узнал в этом царстве бетонных конструкций. Миновал яркую вывеску «Соседи» — странное название для постсоветского модного продмага. Рядом стояли уютные скамейки, заботливо обсаженные подросшими кленами.

Я решительно зашагал к своему подъезду. Что такое домофон, я, слава богу, знал — их как раз начали устанавливать тогда... словно бы вчера. Но, видимо, десятилетия назад.

Однако этот аппарат оказался странным. Не привычный кнопочный с кодом, а какая-то гладкая панель. Я нашел нужные цифры и решительно нажал номер своей квартиры.

Гудки... еще гудки...

Я поднял голову и посмотрел на ночное небо, затянутое тучами. Да, ночь, не глубокая, до полуночи, но темно.

Я стиснул зубы и нажал кнопку вызова еще раз.

— Кому там не спится? — раздался из динамика хриплый, недовольный мужской голос.

В груди мгновенно вспыхнула ярость.

— А ты кто такой?! — рявкнул я в ответ. — Лена где?!

Ревность обожгла изнутри, но тут же была безжалостно потушена холодным рассудком. Если мои догадки верны, и этот чертов тополь вымахал не за три месяца... Времени прошло слишком много.

— Дверь открыта, — равнодушно сообщил мне механический женский голос домофона, и замок щелкнул.

Я рванул внутрь. Забыв про саднящую ногу, не обращая внимания на одышку и резкую боль в отбитых ребрах, я взлетел по ступенькам на свой этаж.

И замер.

Номер квартиры — мой. Расположение — мое. А вот дверь... Дверь была чужая. Тяжелая, стальная, какую впору ставить на бункер, а не на типовую панельку.

Я стоял перед ней, тяжело дыша, и спиной чувствовал, как меня настороженно разглядывают в глазок. Сквозь толстый металл доносилось приглушенное бормотание — там, внутри, кто-то переговаривался.

Сердце гулко екнуло и ушло куда-то в пятки, когда в замке лязгнул ключ.

Дверь медленно распахнулась.

Тяжелая, звенящая пауза. Воздух в подъезде словно заledenел.

Вдруг женская рука со свистом летит в направлении моей щеки. Рефлексы сработали быстрее разума — я мягко, но жестко перехватываю тонкое запястье.

Смотрю в расширенные от невыносимого ужаса глаза. Лена... Моя Лена. Такая, какой я в шутку представлял ее в бальзаковском возрасте. Ее невероятная красота не увяла, нет. Она просто стала... другой. Зрелой. С сеточкой морщинок в уголках глаз, с тяжестью прожитых лет во взгляде. От этой зрелой красоты, от боли, плещущейся на дне ее зрачков, мне захотелось выть. Самый близкий мой человек после мамы...

— Ты... зачем пришел? — ее голос сорвался на сиплый шепот. — Ты где был? Ты... — Она дернулась, словно от удара током, пытаюсь осознать немыслимое. — Ты кто вообще такой?!

Вырвав руку, Лена отшатнулась назад. За ее спиной, нелепо переминаясь с ноги на ногу и явно желая слиться с обоями, топтался мужичок. Обрюзгший, в безразмерном махровом халате, из-под которого выпирало солидное пузо. В свете прихожей его влажная зальсина блестяла так, что можно было не включать лампочку. А на ногах... тапки. Пушистые тапки с медвежьими мордами. Настоящий раскормленный домашний питомец.

Буря эмоций, зародившаяся где-то в солнечном сплетении, грозила разорвать мне грудную клетку. Я с трудом заставил себя отвести взгляд от Лены. Видеть ее такой — постаревшей, сломленной этим моментом — было физически больно.

— Вадик, мать твою, ну сделай что-нибудь! — истерично крикнула Лена, не сводя с меня безумного, затравленного взгляда.

Вадик нервно погладил блестящую плешь. Для полноты картины ему оставалось только оголить пузо и задумчиво его почесать. Но он лишь глубже вжался в коридор.

— А что я сделаю-то? — жалобно, почти по-бабьи пискнул он.

— Тогда иди на хер, Вадик! — выплюнула Лена с такой ненавистью к его ничтожности, что тот аж икнул.

Я понимал. В эту секунду ее благополучная, выстроенная заново жизнь просто рассыпалась в прах. Она снова посмотрела на меня. Ее грудь тяжело вздымалась, губы дрожали. Слезы, которые она так долго прятала, наконец прорвались.

— Ты же умер! Ко мне из министерства тогда приходили... Гроб закрытый был...

Мы стояли и молчали. Двое бесконечно близких и навсегда чужих людей. Что я мог ей ответить? Сказать, что я словно за хлебом вышел, а вернулся — и тут лысый Вадик в тапках-медведях, а моя любимая девочка стала старше меня? Намного старше.

— Мам, ну что за кринж? У меня майнинг тишины в «Молчунах» сбился! Я уже почти монету подняла! — раздался недовольный голос из комнаты, которую мы с Леной когда-то выбрали как нашу будущую спальню.

В коридор вывалилась девчонка-подросток лет шестнадцати. В коротких шортах и майке в облик — в таком виде к незнакомым мужикам не выходят. Но мне было плевать на ее вид. В висках стучал метроном. Шестнадцать лет... Она не моя. Точно не моя дочь. Ведь когда я улетаю, Лена была беременна... А где мой ребенок?! Сколько же, мать вашу, лет прошло?!

— Пошла вон в комнату и оденься! — сорвалась на истеричный визг Лена. Девчонку как ветром сдуло.

Я перевел пустой, потяжелевший взгляд на трясущегося мужика в халате.

— Год. Какой сейчас год? — мой голос прозвучал глухо, словно из-под земли.

— Две тысячи... двадцать шестой, — проблеял Вадик, прячась за спину моей жены.

Двадцать семь лет вперед...

Глава 2

— Что?..

Хотя я и так уже всё понял. Будущее. Мне просто нужно было услышать эту цифру, чтобы окончательно умереть внутри.

Я молча осел на пуфик в прихожей и замер, уставившись в пол.

Лена кричала, срываясь на ультразвук. Мужик за ее спиной осмелел и начал гнусаво что-то от меня требовать, размахивая рукавами халата. Но всё ограничивалось воплями. А я сидел и не мог вздохнуть. Как можно вот так, в одночасье, потерять всё? Жену, дом, саму жизнь? Двадцать семь лет... Пропасть.

«А Лена в свои почти шестьдесят выглядит очень даже... Наверное...» — пронеслась в голове дурацкая, неуместная мысль.

Но следом ледяной волной накатывали другие. Служба. Мое исчезновение. И пусть компетентные товарищи из Конторы потрудятся объяснить мне, что, мать их, случилось и как такое вообще возможно. У меня были догадки, но мозг отказывался принимать их всерьез.

— Телефон дай! — рявкнул я так резко, что Лена вздрогнула, а осмелевший Вадик дернулся и с глухим стуком впечатался лысиной в косяк арки.

Лена, видимо, устав кричать, а может, интуитивно почувствовав мое состояние — она всегда умела читать меня, как открытую книгу, — вдруг замолчала. Меня, домашнего, который позволял себя считывать и считал в этом условии для счастливого брака.

— Может, вас еще и спать уложить? — потирая ушибленную плешь и храбрясь перед женой, прогнусавил Вадик.

— Вадик, иди на хер! — устало, но очень убедительно припечатала Лена.

Она метнулась в комнату — наш с ней зал-гостиную — и тут же вынырнула обратно с какой-то тонкой черной пластиной в руках.

— На, — бросила она.

Гладкая, сохранившая тепло ее ладони пластина легла мне в руку. Я перевернул ее. На задней панели поблескивали какие-то стеклянные кружочки. Глазки? Камеры? Я слышал краем уха, что японцы пытаются встраивать камеры в телефоны, но это устройство вообще не походило на телефон. Телефотелефон? Коммуникатор? Я знал о всех разработках техники. Но вот такое...

— Как эта хрень работает? — спросил я, чувствуя себя пещерным человеком. — Где кнопки?

Голова шла кругом. «Что это такое... Ее муж... Моя жена...»

Я крутил в руках гладкий кусок металла и стекла, не в силах понять, куда нажимать. Экран вдруг мерцающе вспыхнул, и символы на нем показались мне иероглифами из какой-то забытой вселенной.

— Да как так вышло?! Ты что, смартфонов не видел?! — на Лену снова накатила истерика, ее голос дрожал от смеси невыносимой ярости, горя и недоумения.

— Зайка, ну зайка... Успокойся, у тебя же давление подскочит, зайка, — Вадик попытался погладить жену по плечу, но она брезгливо передернула плечами, сбрасывая его руку.

— Вадик, иди на хрен со своей «зайкой»! — взорвалась Лена с такой злой горечью, какой я в ней никогда не видел. — Секретуток своих «зайкать» будешь! Кто там у тебя сейчас? Вероника? Кристина?!

Она смотрела на меня, и в ее глазах — этих родных, знакомых до боли серо-зеленых глазах — стояли слезы. Я тоже не из гранита высечен. Внутри всё скручивалось ржавым жгутом, словно кто-то затягивал невидимый винт. Но меня учили держать удар. В любых, даже

самых немислимых ситуациях я умел отключать эмоции и собираться. А эта ситуация тянула на апокалипсис локального масштаба.

Апокалипсис... и слово какое на ум пришлось.

Случилось то, чего не могло быть. Но это нужно было принять как данность. Если об этом узнает Контора, мир встанет в позу собирающего картошку дачника. Не самая приличная поза. Путешествие во времени! Может, старик Уэллс со своей «Машиной времени» ничего не придумывал, а просто писал мемуары?

Кстати, о картошке.

К головокружению вдруг примешалось дикое, сосущее чувство голода. Желудок свело болезненной судорогой, будто я не ел трое суток. Но прежде чем требовать от своей... нет, приставку «бывшей» я использовать категорически отказываюсь! Прежде чем требовать от жены ее фирменных драников, нужно было хоть что-то прояснить. И служба. Протокол. Связаться со своим начальством, связаться с группой, прежде всего с Максом-Беркутом.

— Да как пользоваться этим... — я с досадой сдался, крутя пластину в руках.

И это я, человек, который всегда был с техникой на «ты»! Космические технологии, блин. «Звёздные войны». В далекой-далекой галактике... В небольшой, но гордой республике жили белые русы...

— Световые мечи еще не придумали? — криво усмехнулся я, протягивая гладкую пластину обратно Лене.

— А ты что, двадцать семь лет по галактикам скитался, джедай гребаный?! — зло огрызнулась она, выхватывая телефон.

Ее палец легко скользнул по черному стеклу, и экран вспыхнул, осветив россыпь ярких, четких, но совершенно бессмысленных для меня картинок.

— Ага. А фамилия моя — Скайуокер, — ответил я всё с той же кривой усмешкой, пытаюсь скрыть за ней сосущую пустоту внутри. — Покажи, куда пальцем тыкать.

Я отстранил Лену. Сперва осторожно, почти боясь, что она снова ударит или сорвется на крик. Но когда после каждого нажатия на стеклянный экран цифры послушно вспыхивали без сбоев, я стал набирать номер увереннее. Сделал шаг назад, не давая ей возможности подсмотреть.

Стоп... Номер же сохранится в памяти этой штуковины. А его не должен знать никто.

— Стереть это потом можно? — коротко спросил я.

— Всё можно! Кроме того, что твое возвращение невозможно! — Лену снова накрывало

— Леночка, ну успокойся, тебе же опять станет плохо, — лысый Вадик предпринял очередную попытку изобразить главу семьи. Его пухлые пальцы потянулись к плечу моей жены.

— Вадик, иди на хер! — Лена с силой отшатнулась от него, будто от прокаженного. — К своей Кристине иди! Или думаешь, я не знаю?! Скотина... какая уже секретарша у тебя по счету? Нахер!

В этот момент я решил: что бы ни случилось за эти проклятые двадцать семь лет, какие бы тайны ни скрывались за слезами Лены и заискивающим тоном этого слизняка — я разберусь. Со всем разберусь.

Но сначала — дело. Я нажал вызов.

— Слушаю! — ответил требовательный, незнакомый мужской голос.

Я отвернулся, прикрыл ладонью гладкую пластину и сказал тихо, но четко:

— «Учитель». Номер 35е84.

— Что? — не поняли на том конце.

Связь была идеальной. Никакого треска проводов, бульканья и сторонних шумов. Но главное — меня не поняли.

— Полковник Лазаревич. Он в курсе, — отчеканил я.

Пауза затягивалась.

— Назовите еще раз свой код, — холодно потребовали в трубке.

— С кем я говорю? Вы уполномочены? — пошел я в наступление.

Сразу должна быть реакция, а тут... может на другом конце сотрудник без доступа. Снова пауза. На фоне слышался приглушенный стук. По клавиатуре?

— Слышь, шутник. Если это розыгрыш — номер телефона я уже определил. Сейчас приедем, — голос стал жестким, угрожающим. — Генерал-майор Лазаревич умер десять лет назад.

В трубке что-то едва слышно щелкнуло. Подключили спецов? Поставили на запись? Хотя с нынешними космическими технологиями всё должно писаться по умолчанию, без всяких щелчков.

Я молчал. Сбрасывать вызов нельзя. С одной стороны, раскрываться первому встречному — прямое нарушение инструкций. Этот номер был прямым каналом связи с моим куратором, Игорем Михайловичем. С другой стороны — мне необходима легализация. Иначе как я вообще существую в этом времени?

— Проверьте, — наконец сказал я. — Обо мне должны быть данные по Первой форме допуска.

В трубке повисла абсолютная, вакуумная тишина. Словно отключили микрофон. Скорее всего, дежурный офицер спецсвязи запрашивал инструкции у начальства.

— Назовите свой номер. Скоро проверим, — голос зазвучал иначе. Деловито, протокольно. Ожидаемо.

Назвал еще раз.

— Жду, — ответил я и нажал на красную иконку телефона на экране.

Ничего не произошло. Нажал еще раз. Ничего. Твою мать...

— Да проведи ты по ней пальцем! — рявкнула Лена, нервно наблюдая за моими потугами.

Провел. Звонок сбросился.

— Теперь сотри номер. И забудь его, не делай себе проблем, — велел я, протягивая ей аппарат. Очевидно, что для меня эти манипуляции пока сложнее китайской грамоты.

Лена молча стерла цифры.

Потом мы просто стояли и смотрели друг другу в глаза. В ее глазах стояли слезы и невыносимая боль. В моих, наверное, плескалась злая, холодная решимость. Кто это со мной сделал? Как? Почему я лишился своей жизни? Да, той жизни больше нет. А в этой... в этой меня, скорее всего, упекут в закрытый НИИ и разложат на атомы, чтобы понять, как я прыгнул на четверть века вперед.

Но я — государев человек. Долг, честь — для меня это не пустой звук. Я обязан пройти через это.

Я думал о лабораториях и допросах, но глаз от Лены не отводил.

И в этот момент из глубины квартиры донесся театральный, полный неподдельного трагизма вой:

— Ну всё-ё-ё! Наорали! Всё пропа-а-ало!

Это была та самая шестнадцатилетняя девчонка. Она ушла переодеваться и так и не вернулась, зато теперь рыдала так, словно в доме покойник.

Голос срывался на истеричные всхлипы. Девочка убивалась с таким надрывом, будто лишилась чего-то жизненно важного.

Я устало потер переносицу. Господи, из-за чего она так рыдает? И что это за птичий язык? Майнить... Молчуны... Куда я, черт возьми, попал?

— Словно тебя ждала, — монотонно заговорила Лена, не отрываясь от мяса, которое быстро достала, еще быстрее нарезала, уже жарила. — Купила вчера свежую свинину... Мы-то ее почти не едим, Вадику нельзя. Ему и draniki нельзя... вообще ничего нельзя. Представля-

ешь, Саша, он дома на правильном питании, салаты жует, а на работе шаурму да пиццы жрет. Еще и Кристину, свою секретаршу, на столе раскладывает, как пасьянс.

— Не было такого! — взвизгнул Вадик, едва не стесав костяшки о терку. Лицо его пошло красными пятнами.

— Иди на хер, Вадим Алексеевич, — совершенно спокойно, буднично парировала Лена, с силой вгоняя нож в разделочную доску. — Дай поговорить. Мы двадцать семь лет не виделись.

Ее голос не дрогнул, но я, как профессионал, уже физически чувствовал ту скрученную в тугой ком боль, что сейчас сжирала эту женщину изнутри.

— А ты, Саша... как у тебя сложилась жизнь? — она наконец подняла на меня глаза, и нож в ее руке замер. — И, может, посоветуешь своего косметолога? Очень молодо выглядишь. Для мертвеца.

Я встал, в два шага пересек кухню, мягко взял Лену за плечи, развернул к себе и заглянул в ее покрасневшие, полные невыплаканных слез глаза. А потом просто обнял. Прижал к себе.

— Все,пусти... Дай приготовлю тебе драники, — Лена вдруг резко отстранилась, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони. — А потом... Всем спать. А ты... Ты уходи, Саша. Вот как появился из ниоткуда, так и уходи в никуда. Как сон... Сытый, страшный сон. За тобой же приедут? Ты ведь звонил своим, они приедут? Просто уходи...

Я перехватил ее руку.

— Ты родила? Тогда, двадцать семь лет назад? — задал я единственный важный для меня сейчас вопрос.

— Не нужно тебе это... — она попыталась вырвать запястье.

— Лена! — с нажимом в голосе настоял я, делая шаг назад, чтобы видеть ее лицо. — Ну я же узнаю. Зачем от чужих такое слышать?

— Александр... Александр Александрович Корзун, — выдохнула она, сдаваясь. — Да, твою фамилию оставила. И я ее оставила, и Вадик теперь тоже Корзун... Саша на границе служит, тут недалеко, на заставе Новая Гута. Старший лейтенант. Вот... обещал на выходные со своей женой и с внучкой заехать. Она такая егоза. Представляешь, Аглаей назвали... Три годика, но красавица, вся в...

— Лена... — я шагнул вперед, пытаюсь снова приблизиться, коснуться ее. Внутри все перевернулось. Сын. Внучка.

— Нет, не нужно! — она выставила перед собой руки ладонями вперед. — Ты сон... просто сон...

Я отступил. Сел обратно на неудобный металлический стул и сцепил пальцы в замок. Хватит эмоций. Да, я сон, и все, что сейчас происходит, пусть для нее так и останется мороком. Нельзя вот так ворваться в чужую, выстроенную годами жизнь через двадцать семь лет и сделать вид, что все хорошо.

— Игра “Молчуны” вышла на первое место по популярности... — услышал я, наверное, Вадик сделал громче телевизор.

— Ты вот такой телефон зарядить сможешь? — нарушил я тишину, доставая из внутреннего кармана куртки свой массивный кнопочный «Эриксон».

Лена бросила короткий взгляд на аппарат и горько усмехнулась.

— Нет. Таких зарядок давно не существует. Позвонить надо? Бери мой, — она вытерла руки о полотенце, взяла со стола плоский черный прямоугольник стекла и провела по нему пальцем. Экран засветился.

Она положила телефон передо мной. Я осторожно взял непривычно тонкий аппарат, нашел иконку с трубкой и начал набирать по памяти известные мне номера. Я все еще в группе. Мой командир — Беркут-Макс. Он должен знать, что делать. Я вбил цифры и прижал гладкое стекло к уху.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети», — равнодушно отрапортовал женский механический голос.

Я сбросил и набрал другой номер. Инженера. Потом Серегу. Та же фраза, слово в слово. Короткие гудки били по барабанным перепонкам.

Внутри начало сворачиваться нехорошее, липкое предчувствие. Это только со мной такое произошло? Логика подсказывала, что нет, что должны были и парни оказаться в тех местах, к которым прикипели, где был из ментальный якорь. Так, наверное, это сработало.

Я молча доел. Отложил вилку. Звяканье стали о фарфор прозвучало в тишине кухни неестественно громко. Лена тут же, резким, дерганным движением выхватила из-под моих рук пустую тарелку и швырнула ее в раковину.

— Поел? Уходи! — отрезала она, не поворачивая головы и глядя на струю воды.

Её голос звучал холодно, почти отчуждённо, будто мы не были когда-то самыми близкими людьми на свете. Будто мы случайные попутчики в купе поезда. Но если прислушаться к едва уловимому надрыву в её интонациях, если посмотреть на побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в край столешницы...

Было ясно: она держится из последних сил, чтобы не сорваться в глухую, черную истерику. Морозом от нее не просто веяло — казалось, сейчас окна на кухне покроются изнутри толстым слоем инея от той стены, что она воздвигла.

— Не могу, — я тяжело развёл руками, оставаясь сидеть на месте. — На твой телефон мне позвонить не могут. Мой номер привязан к старой симке. Мне нужно дождаться связи со своими.

— Сейчас! Будет тебе телефон. И связь будет... — зло прошипела моя жена.

Она круто развернулась и вышла из кухни. Я остался один на несколько минут. Слышал, как её быстрые шаги затихли в глубине квартиры — она направилась в нашу спальню.

Вскоре из спальни донёсся резкий, полный злого негодования возглас:

— Вадик, иди на хер! Убери руки, задолбал!

Хлопнула дверь. Лена вернулась на кухню, с размаху бросив передо мной на стол темное прямоугольное устройство, похожее на ту самую стеклянную «пластинку», с которой я только что пытался дозвониться. Рядом лег тяжелый плоский брусок из матового пластика и моток проводов.

— Вот тебе телефон, старый, мой прошлый, — бросила она, тяжело дыша. — Вставляй туда свою SIM-карту. Он почти разряжен, но я тебе ещё и Power Bank, зарядку переносную, дарю. Забирай всё. И чтобы я больше тебя не видела. А если попробуешь связаться с сыном — знай: для него ты погиб. Геройски пал, спасая детей в Югославии. Не смей лезть в нашу жизнь со своими тайнами...

— А вот это я сам решу для себя, — жестко ответил я.

Я смотрел на этот тонкий аппарат, по какому-то нелепому недоразумению называемый телефоном. Взял его двумя пальцами, покрутил, не понимая, куда и что здесь должно вставляться. Ни зазоров, ни кнопок. Я попытался подцепить ногтем тонкий шов на боковой грани.

— Мда... — многозначительно, с тяжелым выдохом произнесла Лена.

Она наклонилась, бесцеремонно выхватывая у меня из рук и современный смартфон, и мою старую SIM-карту, которую я уже успел вытащить из «Эриксона».

— Даже знать не хочу, в каких джунглях ты прятался, в какой пустыне сорок лет шатался, как те евреи, раз не знаешь, как вставить симку!

Лена достала из ящика стола обычную канцелярскую скрепку, разогнула ее и уверенно ткнула в крошечное отверстие на боку телефона. Выскочил металлический лоток. Затем она посмотрела на мою большую SIM-карту. Усмехнулась. Выкрикнула:

— Слышь, Вадик, в нашем доме хоть что-то большое появилось, ну после твоего живота.

Ответа не последовало. Ну или Вадик пошел с линейкой в ванную, мерять. Лена взяла кухонные ножницы.

Оказалось, мой пластик был чудовищно огромным для этого времени. Лена хладнокровно начала кромсать ножницами края моей симки, аккуратно обрезая ее до микроскопического размера, стараясь не повредить сам золотистый чип.

— Моя рация... старая, армейская. Она ещё жива? — спросил я, наблюдая за блеском лезвий.

— В кладовке лежит, в коробке из-под обуви, — ответила она, не поднимая глаз от чипа. — Думала продать кому-нибудь из охотников-радиолюбителей, да всё руки никак не доходили. Это же... скотина ты такая...

Ножницы звякнули о стол. Она оперлась обеими руками о столешницу, опустила голову, и ее плечи затряслись.

— Считай, что эта рация – почти всё, что осталось от тебя в этом доме. Что пахнет тобой...

И вновь эти тихие, душащие слезы.

Я встал.

— Не смей ко мне прикасаться! — резко вскинулась Лена, когда я сделал шаг к ней. — Забирай мою сим-карту, пока к тебе не приедут, я восстановлю завтра.

Да, моя карта не работала.

Вопреки сопротивлению я всё равно обнял Лену. Шагнул вплотную, прижал ее к своей груди, зарывшись лицом в волосы, пахнущие незнакомым шампунем. Обнял так крепко и безнадежно, словно бы прощался навсегда. Кто знает, может, действительно больше не увидимся.

Я мягко отстранился. Я не стал долго прощаться, разводить сырость. Взял со стола современный гладкий телефон со вставленным чипом, распахнул по карманам куртки провода и аккумулятор. Посмотрел на Лену.

Большую часть своей жизни она прожила без меня. Жаль. Невыносимо жаль, что я не был рядом, не видел, как взрослеет мой сын. Не наставлял его по-отечески.

Вышел из квартиры.

Бросил последний, тяжелый взгляд на окна квартиры на третьем этаже. Своей ли? Ответа не было. Дверь подъезда глухо лязгнула за спиной, отрезая меня от прошлого. Воздух улицы ударил свежестью точно лето. На телефоне показывало “1 июня 2026 года 23.28”.

Стал снова набирать номер для экстренной связи, чувствуя, как с каждым гудком без ответа внутри разрастается ледяная пустота.

Ноги сами вынесли меня к детской площадке. Она выглядела насмешкой над моим состоянием — яркая, выстроенная в форме огромного сказочного корабля, с лабиринтом лестниц и витиеватых горок.

Я снова опустил взгляд на светящийся прямоугольник. Полчаса назад я едва понимал, как разблокировать эту стекляшку, а теперь листал новостной портал. Или как у них теперь называется эта бездонная цифровая выгребная яма?

Новостей было столько, что они физически не поместились бы ни в одну утреннюю газету. Я водил пальцем по экрану, вчитывался в заголовки, пытаюсь осознать масштаб произошедших в мире перемен, и чувствовал, как пухнет голова. Бешеный, неконтролируемый поток информации! Катастрофы, скандалы, биржевые сводки, пустые сплетни — всё вперемешку. Война... Война... Война... Дроны... Как они вообще тут живут, не сходя с ума?

Мой палец случайно дернулся, смахивая новость, и нажал на яркий значок.

Экран мигнул.

— А это еще что за хрень? — пробормотал я, прищурившись.

Среди пестрых иконок выделялся один логотип. С него на меня то ли скалился, то ли кричал от боли уродливый персонаж. Это был не нарисованный мультяшный скелет. Изображение

казалось пугающе реалистичным: серая, обвисшая клочьями кожа, пустые провалы глазниц, в которых читалась бесконечная, тупая агония. От картинка веяло могильным холодом.

«Молчуны...» — прочитал я подпись. — «Игрушка, что ли?»

Палец замер над экраном, но нажать я так и не решился. Сам логотип вызывал инстинктивное, животное отвращение. Девчонка, дочка Лены, что-то вскользь упоминала про это. Но сейчас эта картинка казалась не просто игрой, а зловещим предзнаменованием.

Поднялся резкий, порывистый ветер. Сразу стало нестерпимо зябко. Хотя я думаю, что не только ветер виноват тому, что меня начинало потрясывать.

И тут телефон в моих руках взорвался звуком.

— Пупсик, возьми трубку! Трубку возьми! — заорал на весь двор бодрый, искусственно-веселый женский голос рингтона.

Я вздрогнул, едва не выронив аппарат.

— Ну, раз ты так просишь, дорогая, — сквозь зубы процедил я, впиваясь взглядом в экран. Неизвестный номер.

Большой палец лег на пульсирующий зеленый кружок и с силой провел его к центру. Я прижал холодный пластик к уху.

— Вы звонили с этого телефона. Назовитесь! — услышал я.

Назвал все нужное.

— Ожидайте там, где вы сейчас находитесь, — ударил по барабанной перепонке сухой, лишенный любых интонаций мужской голос. — Ни с кем не вступайте в контакт. Уже выехала группа. Встречать с раскрытыми руками.

— Принято... — начал было я, но голос не дал мне вставить ни слова.

— При экстренной ситуации сделать вызов на этот номер. Можно не поднимать трубку, мы найдем локацию. Возможен визуальный контроль, дрон над вами. Конец связи.

— Есть. Ни с кем не вступать в контакт, ожидать прибытия группы, — глухо ответил я в уже мертвую трубку, просто чтобы обозначить, что приказ услышан.

Я медленно опустил телефон. Дрон? Над головой? Отлично. Только терминатора и Скайнета мне сейчас не хватало. Еще немного, и я поверю, что машины действительно восстали, как в том старом фильме с Шварценеггером. Впрочем... после всего того безумия, что случилось со мной за последние сутки, после того, как законы физики и времени вытерли об меня ноги, даже самое абсурдное развитие событий больше не казалось невозможным.

Из динамика доносились частые, ритмичные гудки отбоя. Они словно забивали гвозди в крышку гроба моей прошлой жизни. Со мной не собирались разговаривать. Никаких эмоций, никаких объяснений. Словно бездушный киборг передал протокол и отключился.

Я откинулся на спинку деревянной скамьи. Начался отсчет для новой жизни. Или не жизни, а существования. Но... это долг, так должно быть. Задремал.

Сон слетел мгновенно, без вздрагиваний и лишних движений — так просыпаются хищники.

Что-то влажное и горячее настойчиво уперлось мне в опущенную ладонь. Я медленно, не меняя позы, приоткрыл глаза. В моей, прямо скажем, немаленькой руке целиком помещался огромный, кожистый собачий нос.

Я чуть скосил взгляд. Мастиф. Настоящий серый танк из мышц и костей стоял вплотную к моим коленям, тяжело выдыхая и обдавая пальцы густым горячим паром. Я всегда уважал больших собак — в них не было истеричности мелких пород. Я плавно, без рывков почесал пса за ухом. Шкура на ощупь напоминала жесткую кирзу.

— Ой, простите ради бога! — раздался испуганный девичий голос.

Хозяйка «танка» с силой рванула поводок, пытаясь оттащить зверя. На ее лице застыла комичная смесь паники и крайнего удивления.

— Роки, ко мне! Извините! — она перехватила ошейник обеими руками. — Он вообще никого к себе чужих не подпускает, кроме меня! Даже на мужа рычит... Ну, рычал, пока этот козел...

— У вас дома целый зоопарк? Собака, козел... — хрипло, со сна, отозвался я.

Девушка осеклась, а затем звонко, нервно рассмеялась.

— Еще кот и рыбки...

Стройная, подтянутая. Но одежда... Казалось, она была облачена в какую-то высокотехнологичную вторую кожу. Лосины и топ из плотно прилегающей, словно прорезиненной ткани болотного цвета переливались в тусклом свете уличных фонарей. Как змеиная чешуя. Во всем ее облике было что-то подчеркнуто футуристичное, гляцевое, искусственное.

Но девушка была красивой. С правильными чертами лица. С грациозными контурами женственности. Таких можно было увидеть по телевизору. Из тех, на кого утром злой работяга, собираясь на работу, глазееет, чтобы не загонять свое и без того опущенное настроение ниже плинтуса. А там... Ножку подыдем, тут припрыгнем, тут ручками покрутим. И все в купальниках и все как на подбор красотки.

— Еще раз извините, — она никак не могла успокоиться, поглядывая на пса, который упорно тянулся к моей руке. — Но это правда очень странно. Я специально выхожу ночью, чтобы даже заядлые собачники еще спали, или уже спали и Роки никого не сожрал. Ну, и чтобы самой спокойно позаниматься на площадке. А то пялиться начинают... — она вдруг смутилась. — Простите, я что-то сегодня болтаю без умолку. Сама не своя.

— Бывает, — я убрал руку в карман продрогшего пиджака. — Может, я просто пахну прошлым. Собаки, знаете ли, любят старые вещи. А что до вашей разговорчивости...

— Прошу простить, мне пора! — поспешно бросила она.

Девушка развернулась и легкой, пружинистой трусцой побежала в сторону гаражного кооператива, что темнел за зданием хосписа перед Радиационно-медицинским центром. Вот тебе времена! В девяносто девятом я не могу представить, чтобы такие красотки по ночам на тренировки выходили.

— А хороша, — тихо усмехнулся я, глядя ей вслед.

И тут же мысль обожгла сознание ледяным холодом: “она ведь даже не родилась, когда я отправился в ту роковую командировку в Югославию, или даже позже”.

Словно почувствовав мой взгляд, девушка вдруг остановилась и обернулась. Она улыбнулась, и в полумраке блеснули ровные, ослепительно белые зубы.

— Вы странный! — крикнула она, поправляя в ухе какую-то крошечную белую каплю наушника. — Но Роки вы понравились! Хорошего дня! Ночи.

Я снова остался один.

В высотке напротив, этаже на седьмом, вдруг разом погасли все окна. Секунда — и свет вспыхнул снова. Я перевел взгляд на соседнюю панельку. Там происходило то же самое. Люди, которые почему-то не спали в этот предрассветный час, словно сговорившись, начали баловаться с выключателями.

Свет моргал. Включался. Выключался.

Сначала в одном доме. Потом в соседнем. Затем в здании хосписа вдальеке.

Это не было похоже на обычные перебои на подстанции. Это напоминало аритмичное, судорожное сердцебиение. Синхронное безумие электросетей.

Воздух вдруг стал тяжелым, густым, как перед сильнейшей грозой, от которой звенит в ушах. Волосы на затылке медленно встали дыбом. Моя оперативная чуйка, не просто подавала голос — она вопила дурниной, срываясь на ультразвук.

В мерцающем свете умирающих ламп безошибочно читалось одно: прямо сейчас, в эти самые секунды, в мире начинало происходить что-то непоправимое. И мой личный темпоральный сдвиг был лишь крошечной прелюдией к надвигающемуся кошмару.

Тишину двора разорвал агрессивный визг жженой резины. Стерильная идиллия засыпающего города треснула, когда к первому подъезду дома, рядом с детской площадкой, обдав брызгами воды из луж, подлетели два глухо тонированных микроавтобуса.

Тяжелые двери отстрелились с металлическим лязгом, и из нутра машин горохом посыпались крепкие, плечистые фигуры. Гражданские куртки не могли скрыть их волчью выправку. КГБ. Или как их тут теперь называют? Нас... называют.

Они брали меня в «коробочку». Классически, слаженно, без единого лишнего движения, отрезая любые пути отхода. Я профессионально начал считать возможности. Но так... Сопротивляться не собирался. Медленно, чтобы не спровоцировать пальбу, поднял руки ладонями вперед.

— Гражданин Корзун? — Наверняка старший группы, мужчина с цепким, мертвым взглядом оперативника, шагнул ко мне вплотную. — Проходите. Без глупостей.

Я криво усмехнулся. «Гражданин»... Даже не “товарищ капитан”. Что ж, гражданин так гражданин. Мое время вышло, пора играть по их правилам.

Я начал было подниматься со скамейки, когда воздух внезапно разорвался на части.

Это не было похоже на вой сирены или близкий разрыв снаряда. Это было нечто иное — звук, не имеющий источника, рождающийся отовсюду сразу. Тонкий, запредельно высокий, сверлящий частотами прямо в подкорку писк.

Он вонзился в череп раскаленной иглой. У меня мгновенно свело челюсть, занули корни зубов, а перед глазами поплыли черные пятна. Источником были те самые стеклянные коробочки в руках людей. Появились пара зевак, которые из ниоткуда материализовались и почти не скрываясь выставили свои телефоны. Видео снимают?

— Что за хрень... — Старший инстинктивно, словно запрограммированный, полез во внутренний карман куртки.

Остальные бойцы сделали то же самое. Синхронно. Словно единый многорукий организм потянулся к светящимся экранам.

— Не смотрите!! — заорал я. Голос сорвался на хрип.

Я сам не знал, почему кричу. Это был чистый, первобытный инстинкт выживания, что отмечали во мне учителя в Академии. Тот самый рефлекс, что заставлял падать лицом в грязную лужу за долю секунды до прилета мины.

Но они уже смотрели.

Мир застыл. Словно невидимый режиссер нажал на паузу. Тишина обрушилась на нас. ТИШИНА. Исчез гул далеких проспектов, стих утренний ветер. Остался только этот высверливающий мозг электронный визг и тяжелое, натужное дыхание десятка замерших мужчин вокруг меня.

Старший опер, тот, что секунду назад холодно требовал пройти с ним, застыл изваянием. Его лицо, еще недавно волевое и жесткое, начало страшно оплывать. Челюсть безвольно, с каким-то влажным щелчком отвисла. Из уголка губ на подбородок потекла густая, тягучая слюна. Кожа на глазах меняла цвет: здоровый румянец сошел пятнами, сменившись мертвенной бледностью, а губы приобрели трупный, синюшный оттенок.

— Что вообще происходит? — выкрикнул я, переключаясь и настраиваясь на действие.

Глава 3

— Эй, командир?.. — неуверенно позвал один из молодых бойцов, стоявших у заднего бампера машины.

Он единственный замешкался, запутавшись в молнии, и не успел достать свой телефон. Звук его голоса стал спусковым крючком.

Голова Старшего повернулась. Медленно, с неестественным, механическим усилием, словно шейные позвонки проворачивались в густом киселе. Я увидел его глаза и внутренне содрогнулся. Белки мгновенно, с лопающимся звуком капилляров, залило густой краснотой.

Но страшно было не это. От лица человека веяло физически ощутимым жаром, как от открытой доменной печи. Глаза стали пустыми, краснели, словно кровь внутри него буквально закипала. На виске, там, где только что спокойно билась жилка, вздулась черная, узловатая вена. Она пульсировала в бешеном ритме, толчками прогоняя перегретую, мутировавшую дрянь прямо в мозг.

— Командир? — голос молодого сорвался. Он сделал шаг назад, его рука метнулась к поясной кобуре.

Резкий звук человеческого страха стал осязаемым.

Заторможенность Старшего исчезла в долю секунды. Он дернулся так, будто через его позвоночник пропустили разряд в тысячи вольт. Это не было движением тренированного человека — это был смазанный, нечеловечески быстрый бросок. Не человека... Но тогда кого? Я даже не успел моргнуть, как он уже оказался возле парня.

Удар. Я услышал влажный хруст ломающихся шейных позвонков даже с пяти метров. Голова молодого опера неестественно мотнулась на плечо, как у сломанной тряпичной куклы.

— Огонь!! — истошно завопил водитель второго микроавтобуса. Он был чист, он не смотрел в экран.

Грянул выстрел. И этот звук окончательно обрушил мир в ад.

Стрелять было не в кого. Точнее, враг теперь был везде. Зараженные, обезумевшие, или какие еще... оперативники выронили телефоны на асфальт. Грохот выстрела сработал как детонатор, превратив застывших истуканов в стаю бешеных, обезумевших от жажды крови тварей.

Они лавиной обрушились на водителя и еще одного уцелевшего парня. Это не было дракой спецназа. Это была скотобойня. Никаких приемов самбо, никаких тактических захватов или ножевого боя. Только слепая, животная ярость. Твари рвали своих недавних товарищей зубами, вгрызаясь в лица и глотки, полосовали плоть короткими ногтями, вырывая куски мяса прямо через одежду. Никакой логики, никаких преград, никакой морали. В их вскипевших мозгах по всей видимости остался только один пульсирующий первобытный инстинкт — убивать!

Кровь брызнула на черный борт микроавтобуса. Воздух наполнился влажным чавканьем и нечеловеческим рычанием.

Я сделал шаг назад. Медленно. Плавно. Не делая резких движений и стараясь не издавать ни звука. Старался фиксировать каждую деталь бойни. Не паникуя, а переводя свой разум в абсолютный боевой режим, я шел. Старый мир только что умер на моих глазах, захлебнувшись собственной кровью. И чтобы выжить в новом, мне придется стать страшнее того, что сейчас рвало людей на куски.

Медленно, бесшумно двигаясь прочь в свете многих горящих фонарей смотрел, как двое «обращенных» — с глазами, полыхающими красным безумием, — повалили своего же товарища прямо на асфальт, покрытый влагой от недавнего дождя.

Парень отчаянно пытался закрыться руками, сучил ногами, но один из нападавших просто навалился на него сверху и с животным рыком вгрызся зубами ему в горло. Раздался тошно-

творный влажный хруст. Тварь рывком откинула голову назад, вырывая пульсирующий кусок мяса. Брызнула кровь, казавшаяся черной, густой смолой в неверном свете зарождающегося дня. Второй «обращенный» в это время методично, с пугающей механической монотонностью отбойного молотка, вбивал голову лежащего в бетонный бордюр. Раз. Два. Три. Пока истошные крики жертвы не сменились глухим, влажным чавканьем.

Вены на шеях и напряженных руках этих существ вздулись узловатыми, фиолетовыми канатами. Казалось, кожа вот-вот не выдержит и лопнет, выпустив наружу кипящую внутри отраву. От их разгоряченных, перекачанных адреналином тел в прохладном весеннем воздухе тяжелыми клубами поднимался пар, словно от загнанных лошадей.

Мой внутренний компас самосохранения не просто сигнализировал об опасности — он орал дурниной на всех частотах. Я начал медленно, по миллиметру, стараясь слиться с тенями, пятиться к густым кустам сирени за скамейкой. Оружие... против таких тварей я пока и знал, как можно голыми руками бороться. Они, казалось, не чувствуют боли.

Водитель второго микроавтобуса, тот самый, что успел выстрелить первым, отчаянно пытался отбиться у распахнутой двери. Он выстрелил еще дважды, в упор. Одна из пуль снесла нападавшему полчелюсти, превратив лицо в кровавую кашу из осколков костей и разорванных мышц.

Тварь замедлила свой бег. Снесенная челюсть все же смутила существо. Но не убило! Зверь все же сбил стрелка с ног и, навалившись всем своим тяжелым телом, начало остервенело забивать его пудовыми кулаками, превращая лицо человека в неузнаваемое кровавое месиво.

— Тра-та-та! — оглушительно ударила длинная, паническая очередь.

Я рухнул на асфальт еще до того, как осознал звук. Чистый инстинкт. Свинец с мерзким визгом прошел кусты прямо над моей головой, срезая ветки. М-да... Спецы нынче пошли нервные, лупят веером, не разбирая целей.

Я осторожно приподнял голову над бордюром. Картина боя изменилась. Тот оперативник, что стрелял из автомата, всё-таки положил четверых своих обезумевших коллег. Они валялись бесформенными кучами вокруг него.

Но еще двое подранков, несмотря на то, что пули разорвали им брюшину и раздробили бедро, всё равно упорно, с пугающей целеустремленностью ползли и ковыляли к стрелку. Они замедлились, оставляя за собой широкие кровавые полосы, но их глаза по-прежнему горели красным фанатизмом убийства.

— Твою же мать! Что вообще происходит? — прошипел я сквозь стиснутые зубы, стараясь даже дышать через раз, чтобы не привлекать внимание этого акустического кошмара.

Взгляд выхватил матово блеснувший на асфальте пистолет — «Глок», судя по силуэту, — отлетевший в сторону от одного из первых убитых. Расстояние — метра три до него, но на открытой местности.

Мозг отключился, передав управление спинному мозгу и мышечной памяти. Резкий, пружинистый прыжок. Падение. Болезненный, обдирающий локти перекат по шершавому асфальту. Моя рука сомкнулась на теплой, еще хранящей чужое тепло рукояти. Я мгновенно принял положение «с колена», укрываясь за мусорной урной. Магазин проверять не стал — нет времени. Резко передернул затвор, досылая патрон в патронник. Клац.

Оценка сектора. Автоматчик, бледный как мел, трясущимися руками пытался примкнуть свежий рожок. Паника сделала его движения дергаными, неловкими. А один из подранков, тот, что с пробитым животом, внезапно сделал невероятный рывок и оказался уже в двух метрах от парня, протягивая к его горлу окровавленные руки с почерневшими ногтями.

Тяжело в полутьме целиться. Но я смог вывести мушку на переносицу твари. Выдох. Плавный спуск.

— Бах!

Голова безумца дернулась, словно получив удар невидимой кувалдой, и он рухнул под ноги автоматчику. Опер застыл изваянием, обмазанный кровью и мелкими ошметками мозга своего бывшего сослуживца.

— Бах!

Второй выстрел я сделал почти не целясь, рефлекторно разворачивая корпус. Еще один «обращенный», привлеченный звуком моего первого выстрела, круто развернулся и рванул в мою сторону с неестественным, рваным ускорением. Пуля ударила ему в колено. Кость хрустнула, нога подломилась, и нелюдь кубарем, сдирая кожу об асфальт, полетел прямо к моим ногам.

Он попытался вскинуться, клацая окровавленными зубами.

— Бах!

Я всадил пулю ему точно в переносицу с расстояния вытянутой руки. Тело обмякло.

— Справа! — рявкнул я, срывая голос.

Это было адресовано тому единственному оперу, который еще не пополнил ряды мертвецов или этих красных демонов.

Он вздрогнул, наконец-то вогнал магазин и круто развернулся на пятках.

— Тра-та-та!

Короткой, злой очередью из трех патронов он буквально перерубил пополам еще одного обезумевшего, выскочившего из-за второй машины.

На секунду повисла звенящая тишина, прерываемая лишь сипением умирающих и звоном падающих гильз.

И тут железная дверь ближайшего подъезда с грохотом распахнулась. На крыльцо выскочили трое. По одежде — явно не бойцы, обычные жильцы дома: один в спортивных штанах, второй прямо в семейных трусах и майке. Женщина, не молодая, с явным лишним весом и... в бигудях. Фантасмагория.

Но их движения не имели ничего общего с движениями заспанных обывателей. Двое мужчин и одна женщина. Они рванули ко мне, расталкивая друг друга плечами, выкручивая суставы под неестественными углами. Делали они это пугающе быстро.

Не с той дьявольской, звериной стремительностью, с которой кидались на меня обращенные оперативники КГБ минутой ранее, но всё равно слишком резво для обычных людей. В голове кольнула мысль: даже после этой дряни, даже превратившись в безмозглых тварей, они сохраняли базовые физические параметры. То, кем ты был до того, как твоя кровь свернулась, а глаза налились багровым безумием, имело значение.

И все равно движения были куда как быстрыми, чем у нормального человека.

Времени на анализ не осталось. Три пары мертвых, налитых кровью глаз впилась в меня немигающим, жадным взглядом. В этом взгляде не было ни капли человеческого. Абсолютная, первобытная пустота. Так оголодавший пес, посаженный на цепь посреди зимы, смотрит на брошенный в снег кусок теплого, кровоточащего мяса.

Я — это мясо. Нет. Ну или то думающее и действующее мясо, которое способно упокоить это.

Сердце, только что колотившееся о ребра как обезумевшая птица, вдруг пропустило удар и замерло. Пришел покой. Эмоции отсекло, как скальпелем. Паника свернулась в тугой, горячий комок где-то в желудке.

Рука с пистолетом, словно отдельный, мыслящий механизм, плавно взлетела, выхватывая на мушку одного из мужиков — здорового, пузатого жлоба в разорванной рубашке.

— Бах!

Отдача сушит кисть. Тяжелая пуля калибра девять миллиметров с влажным хрустом чиркнула пузатого по черепу. Кусок скальпа вместе с волосами и костью сорвало, обнажив белесую плешь, брызнула густая, почти черная кровь.

Тварь пошатнулась. Удар был страшной силы, пузатый широко растопырил руки, на секунду перегородив дорогу своим «конкурентам» по пищевой цепочке... но не упал. Мозг оказался не задет. Жлоб лишь глухо, утробно зарычал и, неестественно дернув пробитой головой, продолжил движение ко мне.

— Бах! Бах!

Звук выстрелов – чужих – оказался неожиданным. Громко. Слишком близко. Хлопки донеслись из глубины одной из припаркованных у подъезда тонированных «Мерседесов».

Я не стал тратить драгоценные доли секунды, чтобы выяснить, какой ангел-хранитель решил прийти мне на помощь. Мой палец снова вдавил спусковой крючок.

— Бах!

Пуля нашла цель. Она вошла точно в переносицу пузатому, разворотив затылок. Он рухнул как подкошенный, мгновенно превратившись из смертельной угрозы в кусок гниющего мяса. Женщину в изодранном платье, бежавшую следом, отбросило назад — неизвестный союзник из машины не промахнулся. Третий обращенный споткнулся об их тела.

— Тра-та-та-та!

Длинная, паническая автоматная очередь вспорола воздух откуда-то справа. Пули с визгом рикошетили от асфальта и кирпичных стен, высекая снопы искр.

— Одиночными бей! — заорал я во всю глотку, не оборачиваясь.

У группы сопровождения, приехавшей по мою душу, явно не было с собой цинков с патронами. Расстрелять БК такими истеричными очередями можно за минуту. А дальше что? Отбиваться от этой орды пустыми магазинами?

В этот момент реальность вокруг начала окончательно сходиться с ума. Хотя казалось, куда еще больше.

— Бух!

Звук был такой, словно с высоты бросили стокилограммовый мешок с мокрым цементом. Удар заставил асфальт вздрогнуть. Буквально в трех шагах от меня на землю рухнуло тело.

Нет. Не тело. Еще один обращенный.

— Бух! Хрясь!

Еще один. Чуть в стороне.

Я вскинул голову. Окна многоэтажки над нами выплевывали людей. Обезумевшие твари, учуяв свежую кровь и услышав выстрелы, просто вываливались из разбитых окон, не соизмеряя высоту.

Тот, что упал у моих ног, приземлился на спину. С такого этажа люди не выживают — кости превращаются в крошево, внутренние органы лопаются. Но этот... этот начал шевелиться. Под неестественным углом вывернулась сломанная нога, из открытого перелома торчала белая кость, но тварь скребла пальцами по асфальту, пытаясь подтянуть к себе свое переломанное туловище. Глаза безошибочно фиксировались на моих непатриотичных итальянских туфлях. Хотя сейчас я бы предпочел берцы.

— Бах! — я всадил ему пулю прямо в макушку, прекращая эти жуткие, инсектоидные конвульсии.

А вот другому... вернее, другой не повезло.

Это была грузная, пожилая женщина в цветастом халате. Она выпрыгнула со второго этажа и рухнула прямо на острую железную подпорку, к которой коммунальщики, или небезразличные жильцы, недавно привязали молодое, хрупкое деревце.

Металлический штырь вошел ей точно под ребра и вышел из спины. Женщина не умерла. Она повисла на этом шесте, как жуткая марионетка. Толстое тело судорожно дергалось, руки бессильно скребли по металлу, а из распоротого брюха на ухоженную клумбу с цветами и прямо под заканчивающую цветение сирень, тяжелыми, сизыми кольцами вываливались кишки. Она

издавала звуки — влажное, булькающее шипение, словно пробитая шина, и при этом ее красные, налитые безумием глаза неотрывно смотрели на меня. Она пыталась дотянуться.

Желудок свело судорогой. К горлу резко, болезненно подкатил обжигающий ком тошноты.

«Не сейчас!» — я мысленно, со всей дури, забил этот первобытный рефлекс обратно в плотку. Если я сейчас сломаюсь, если позволю себе блевать — я труп. Никогда. Нельзя.

Двор наполнился кошмарной симфонией. Повсеместно, со всех этажей раздавался глухой, ритмичный стук. Те окна, что еще были закрыты, начали угрожающе трещать под напором десятков кулаков. Стекла лопались, осыпаясь вниз стеклянным дождем, и в оконных проемах появлялись десятки бледных, искаженных гримасами лиц с мертвыми, красными глазами.

Они шли на шум.

Я бросил короткий, оценивающий взгляд на этот начинающийся ад. Времени не было. В два прыжка я оказался возле трупа командира группы — того самого, что сопровождал меня пару минут назад, пока не превратился в нежить.

Рывком перевернул тяжелое тело. В руках у мертвого спеца был зажат автомат. Что-то новенькое, явно не стандартный АКСУ. Укороченный ствол, планки Пикатинни, эргономичная рукоять — серьезная, современная модификация. Я вырвал оружие из окоченевших пальцев. Отстегнул магазин — полный. В кобуре на бедре командира торчал «Грач». Я выхватил его, проверил патронник. Полный.

Щелкнул предохранителем на автомате, переведя переводчик огня на короткие очереди. Холодный пластик цевья успокаивающе лег в ладонь.

Вот теперь повоюем.

— Выжившие! — мой голос грохнул над двором, сорвавшись на хриплый, звериный рык. — Ко мне!!

Уголкем глаза я заметил движение справа. Молодой боец. Тот самый любитель садить длинными очередями в белый свет как в копеечку. Он стоял, прижавшись спиной к большому, с гладкими обводами джипу. Лейтенант был белый как мел. Его трясло.

Опустив ствол автомата, парень с первобытным, парализующим ужасом смотрел, как из окон дождем падают люди. Как ломают кости, разбрызгивают кровь по асфальту, а потом... потом почти сразу же начинают шевелиться. Не все, но некоторые встают на переломанные ноги, слепо водят головами и, безошибочно определив источник шума, начинают ковылять в его сторону.

Его видели. Но твари, как я уже успел понять, шли в первую очередь на громкий звук. Он молчал, и пока они двигались на эхо моих выстрелов.

— Ко мне, твою мать, боец!! — проревел я, вскидывая автомат и снимая одним выстрелом тварь, которая подползала к нему слева.

Летеха вздрогнул, словно очнувшись от гипноза. Яростно затряс головой, отгоняя ощущение, вскинул оружие и, неуклюже контролируя сектора, начал перебежками двигаться ко мне.

Скрежет металла. Дверь тонированной «Волги» распахнулась, и из салона, путаясь в ногах, вывалилась еще одна сотрудница. Совсем девчонка, может, моя ровесница. Строгий серый костюм перепачкан кровью, в глазах плещется абсолютная, стеклянная паника. Она держала табельный Макаров двумя дрожащими руками, направив дрожащий ствол в сторону темного зева подъезда.

Я проследил за ее взглядом.

Из подъездного мрака, шаркая подошвами домашних тапочек по бетонным ступеням, медленно выходила...

Мир вокруг перестал существовать. Звуки боя, крики, хруст костей — всё это словно отрезало толстым слоем ваты.

— Лена... — имя сорвалось с губ сухим, болезненным шепотом.

Внутри, под ребрами, всё мгновенно заledenело. Дыхание перехватило.

Это существо, стоявшее в дверном проеме уже в знакомом, уютном домашнем халате, медленно подняло голову. Оно смотрело на меня.

Но глаза... Господи, это были не глаза моей Лены. Не глаза женщины, с которой я не прожил лучшие годы своей жизни, которую я потерял, которая...

Лицо было ее — те же скулы, та же родинка на щеке, те же разметавшиеся по плечам волосы, сейчас слипшиеся от крови. Руки и халат были в крови. Но взгляд... В этих багровых, налитых кровью белках была только бесконечная, голодная пустота. Это была не она. Это была мерзкая, гниющая оболочка, натянутая на демона, который сожрал ее душу.

Существо открыло рот, издав утробный, шипящий звук, и сделало шаг навстречу.

Палец на спусковом крючке автомата налился свинцом. Оружие, секунду назад казавшееся легким, теперь весило тонну. Мышцы свело судорогой. Нажать на спуск означало перечеркнуть всё. Стереть ее из этого мира собственными руками.

Это было невыносимо тяжело. Невозможно.

«Ее уже нет!»

— Это не жизнь!! — почти сорвался на крик я, заглушая собственную боль и отчаяние.

Ствол автомата дернулся.

— Ба-бах-бах!

Короткая, точная очередь в три патрона. Голова существа, бывшего моей женой, резко откинулась назад, разбрызгивая по стене подъезда темную кровь. Тело обмякло и кулем осело на ступени, больше не шевелясь.

Я стоял, тяжело дыша, сжимая в побелевших пальцах раскаленное цевье. Ветер бросил в лицо горсть колючего снега.

По щеке, обжигая ледяную кожу, предательски, неожиданно и быстро скатилась одна-единственная горячая слеза. Я не стал ее стирать.

Времени на скорбь не было. Ад только начинался.

Глава 4

Я бы мог начать самокопание, рефлексировать, но я подошел к палисаду у подъезда, посмотрел на все еще дергающуюся толстую тварь. Ту, что упала и насадила свое тучное тело на штырь. Рядом был такой же. Вот его я и выдернул. Посмотрел на двоих своих напарников, огляделся, не замечая больше выживших людей. Нет... кругом нелюди.

А после стал методично бить по голове арматурой, разбивая черепа подранков, что выпрыгивали из окон и почти всегда с последствиями для себя.

А еще в метрах трехстах послышался лай собаки. Грозный, басистый — такой, от которого любой кабысдох сбежал бы, поджав хвост, от мощного собрата.

Повернул голову. Увидел, как та самая симпатичная спортивная девушка невероятным, нечеловеческим усилием выковыривает тротуарную плитку с дорожки и с яростным криком бросает ее в двух наседающих обращенных.

А впереди их не пускает к хозяйке именно тот пёс — здоровенный, мускулистый кане-корсо. Да, наверное эта порода все же. Он намертво вцепился в ногу одного из зверей, с рычанием оттягивая того подальше. А в это время морду псины остервенело царапает другая обращенная. По всей видимости, это была та самая девица, которая при жизни отрастила себе километровые акриловые ногти, и сейчас с мерзким хрустом ломала их о плотную шкуру животного, пытаясь выдавить псу глаза.

— Сюда беги!! — рявкнул я, вскидывая трофейный автомат.

Пробовал прицелиться и чем-то помочь, но тщетно. И темно и сама девица закрывала вектор стрельбы. И далеко было.

— Помогите!! — резанул по ушам истошный, срывающийся вопль.

Я скинул глаза. На балконе четвертого этажа билась женщина. Она уже перекинула ногу, готовая прыгнуть вниз, сломать ноги, разбиться — что угодно, лишь бы спастись.

Но тут в ярком свете горящей настенной лампы вынырнул измененный. Бывший мужик, сейчас тварь, существо, в заляпанной кровью майке. Его мышцы бугрились, руки стали неестественно багровыми, а вены вздулись так, словно готовы были лопнуть прямо сейчас. Тварь вцепилась в волосы женщины, рванула на себя, повалила её на бетонный пол балкона и...

Чавкающий, влажный звук разрываемой плоти долетел даже до нас. Крики женщины захлебнулись в бульканье и навсегда оборвались.

Сколько еще таких историй придется увидеть сегодня, завтра. Если оно только наступит.

Увидел, что девушка со своей собакой все же смогли оторваться от нелюдей и на всех порах, а псу приходилось останавливаться и замедлять погоню, спортсменка бежала в мою сторону.

— Пробиваемся в подъезд! — бросил я своей жалкой команде.

Команде из двух человек: перепуганной девчонки-оперативницы, которая явно протирала штаны в кабинетах и не уделяла должного внимания огневой подготовке, и зеленого лейтенанта, который, судя по остекленевшим глазам, форму надел без году неделя.

— Бах! Бах! — пули полетели в сторону твари, показавшейся на втором этаже.

Потом я перенес огонь на тварей, наседающих на девушку с собакой. Две короткие вспышки. Голова обращенной «модели» с длинными ногтями разлетелась, как гнилой арбуз, щедро окатив собакина черной кровью. Второй пулей я попал в ногу твари. Нелюдь упал и ударился о припаркованную машину и сильно замедлился, давая все шансы девчонке и ее героическому псу спастись. Надолго ли...

— Собачница! Ко мне! Живо! — снова заорал я, делая шаг навстречу.

Девушка не заставила себя ждать. Тяжело дыша, с изодранными в кровь руками, она рванула к нам. Пёс, припадая на переднюю лапу и оставляя на снегу красные капли, тяжело скакал следом, не переставая глухо рычать.

И тут реальность окончательно сорвалась с цепи.

— Дзынь! Бух!

Окно на пятом этаже разлетелось вдребезги. Тело в деловом костюме, не издав ни звука, вылетело наружу в облаке стеклянной крошки. Обращенный рухнул прямо на крышу припаркованной «Шкоды», сминая металл, как фольгу.

Удар был такой силы, что лопнули шины. Тело сложилось пополам, позвоночник хрустнул с тошнотворным треском, вылез наружу... но тварь тут же заскребла руками по искореженной крыше, пытаясь сползти на землю.

— Бум! Бум! — раздавались звуки повсеместно падающих с окон нелюдей.

Они словно бы закончили какие-то для них важные дела в квартирах и стали уже массово выходить наружу. Не хотелось даже думать, какие именно дела завершали эти твари.

Еще один. И еще. Обезумевшие от запаха свежей крови и звуков выстрелов, они просто шагали в пустоту. Двор превратился в мясорубку. Вновь твари падали, ломали конечности, превращались в кровавое месиво, но те, у кого оставался цел мозг, упрямо ползли к нам, клацая зубами.

— В подъезд! За мной! Летеха, кроешь тылы! — скомандовал я.

Девушка с кане-корсо влетела в наш хлипкий периметр.

— Идем! Идем! — истерично закричала оперативница, размахивая своим пистолетом так, что я побоялся, как бы она не прострелила мне спину.

Мы рванули к спасительному зеву подъезда. Спасительную ли?

На ступенях, привалившись спиной к косяку, лежала Лена. Моя жена. Тварь, которая минуту назад была моей женой. Кровь из пробитой головы уже начала застывать на бетоне. Я стиснул зубы так, что заболели челюсти, перешагнул через нее, стараясь не смотреть на знакомый халат, и шагнул во мрак подъезда.

Подъезд. Да, это замкнутое пространство, где нас может поджидать всё что угодно, и мы наверняка столкнемся с этими тварями нос к носу. Можно было бы остаться на улице, будь у нас хоть какая-то форя в скорости. Но эти мрази, пусть и двигались неравномерно, неизменно оказывались быстрее любого нормального человека.

— Бах! Бах! Бах!

Я ударил тремя одиночными по нелюдю, который только что вывалился из окна. Тварь явно переломала себе ноги при падении, но всё равно, жутко прихрамывая, упорно рвалась к входу в подъезд. Две пули нашли цель: одна вошла точно в голову, другая пробила сердце. Животное, еще недавно бывшее человеком, тяжело рухнуло на асфальт. Интересно, что именно его остановило? Разрушенное сердце или пробитый мозг?

— Быстрее! — прикрикнул я, подгоняя спортивную девицу.

— Бух! Бух! — донесся сверху, где-то с уровня третьего этажа, глухой звук выстрелов.

Значит, мы в этом доме не одни. Это уже радовало — есть еще кто-то живой, кто прямо сейчас отстреливает зараженных. Моя уверенность в том, что нужно срочно заходить в подъезд и зачищать лестничные клетки от мразей, только укрепилась.

Я пропустил внутрь тяжело дышащего летёху, а следом за ним юркнула девица. В руках пистолет, а на плече — два трофейных автомата. Ай да умница! Не впала в панику, подобрала бесхозное оружие. Плюс десять ей в карму.

Запахи здесь ударили в нос с новой силой. Затхлость старого мусоропровода, хлорка и густой, железистый смрад свежей крови. Тусклая лампочка на первом этаже истерично мигала, выхватывая из темноты куски реальности.

— Тра-та-та! — лейтенант у дверей дал короткую очередь по двору и, тяжело дыша, ввалился внутрь. — Они идут! Их там десятки!

Я с силой захлопнул тяжелую металлическую дверь. Магнитный замок щелкнул, но я не знал — сдержит эту массу железная дверь. Нужна баррикада. Но сначала — зачистка.

Сверху, из темноты лестничного пролета, раздался леденящий душу звук. Шарканье подошв. Влажное, хриплое дыхание. Кап... кап... Сквозь решетку перил прямо на плечо оперативнице упала густая, вязкая капля крови.

Девчонка подняла голову и завизжала.

По лестнице, кувырком, ломая ступени огромной массой, на нас катился бывший сосед со второго этажа — грузный, двухметровый мужик. Его шея была разорвана, из раны хлестало черным, но красные глаза смотрели точно на нас. Он рухнул на межэтажную площадку, мгновенно сгруппировался и, как гигантская жаба, прыгнул вниз, прямо на лейтенанта.

— Бах-бах!

Мой ствол выплюнул две пули в полете. Обе вошли в грудь, но тварь даже не замедлилась.

Пес взревел, бросился наперерез и с разгона ударил в грудь летящего мужика, сбивая его траекторию. Они клубком покатались по грязному кафелю. Пасть пса сомкнулась на предплечье обращенного. Хрустнула кость. Зомби взвыл и здоровой рукой наотмашь ударил пса в морду.

— В сторону! — рявкнул я.

Я шагнул вплотную, прижал ствол автомата почти в упор к багровому затылку твари и нажал на спуск.

Грохот в замкнутом пространстве подъезда ударил по барабанным перепонкам так, что казалось из ушей пошла кровь. Череп обращенного взорвался, окрасив стены и почтовые ящики в красный. Тварь обмякла на скулящем псе.

— Встать! Контролировать сектора! — заорал я, стряхивая звон в ушах. — Мы идем наверх. До крыши. И мы зачистим каждый этаж!

Лейтенант, бледный как смерть, кивнул, передергивая затвор. Девушка гладила скулящего пса, а оперативница обеими руками вцепилась в свой Макаров, целясь во мрак второго этажа.

— Магазин проверь, — приказал я оперативнице.

Сверху снова слышались шаги. Много шагов. Двери квартир с треском вылетали наружу. Подъезд оживал, превращаясь в вертикальный туннель смерти, и нам предстояло пройти его до конца.

— Я иду первым. Девка следом, прикрывает лестницу. Летёха, контролируешь входную дверь с улицы, — быстро распределил я роли.

— Я не девка. Меня зовут Лиза, — насупившись, огрызнулась девица.

— Серьезно? Прямо сейчас, блин, ты будешь это выяснять? — потом посмотрел на собачницу. — Ну а тебя как зовут?

— Настя, — коротко, не отрываясь от поглаживаний раненного пса, сказала она.

— Ты, Настя, не дергаешься. На, — я протянул ей свой “Грач”.

— А как? Я только с луком, я...

— Литеха...

— Я Леха...

— Вашу мать, мы что на празднике знакомства. Сверху тварей может быть немеряно! Разъясни Насте, как стрелять! — сказал я.

А после закрыл глаза, не стал больше ничего говорить, не время для сделал несколько осторожных шагов вглубь темного подъезда.

Тут же мне в спину уткнулось теплое женское тело. В любой другой, нормальной ситуации я бы, несомненно, порадовался этому факту.

— Дистанцию держи. Как там тебя... Лиза. Полтора-два метра, — сухо и решительно бросил я оперативнице через плечо.

Пока внутри было тихо. Мой тактический расчет с подъездом строился еще и на том, что эти твари, судя по всему, не обременены особым интеллектом и нажать на ручку, чтобы открыть запертую дверь, вряд ли додумаются. Значит, большинство зараженных всё еще заперты внутри своих квартир. План был прост: зачистить лестничные пролеты, забаррикадироваться на площадке, немного выдохнуть и выкроить себе хотя бы пару минут для мозгового штурма. А уже потом думать, что делать с квартирами.

До площадки второго этажа мы поднялись без приключений. Я шел медленно, ступая бесшумно и внимательно вслушиваясь в темноту.

— Р-р-х! — раздался сверху глухой, нечленораздельный рык.

Я тут же вскинул автомат, взяв пролет на прицел, но выжимать спусковой крючок не спешил — цели пока не было видно. В подъезде повисла звенящая, относительная тишина, резко контрастирующая с тем, что продолжало твориться на улице: там стоял кромешный ад из криков, стонов, звона бьющихся стекол и глухих ударов падающих тел. Думать о том, что появился кто-то еще из выживших и я их не спасаю было неприятно. Но рационализм говорил только за то, что нужно делать то, что по силам, чтобы не потерять и себя и людей, за которых уже взял ответственность.

Между тем, тень скользнула по ступеням. Тварь внезапно дернула головой. Да так резко и неестественно, что у нормального человека от такого рывка просто порвались бы шейные связки.

Мы встретились взглядами. У мутанта были налитые кровью белки и абсолютно пустой, стеклянный взор, устремленный словно сквозь меня. Казалось, он слеп. Я едва не выдал себя удивленным вздохом, когда заметил, как у этой твари... зашевелились уши, словно локаторы. Никогда бы не подумал, что человек физически на такое способен. Впрочем, передо мной стоял уже давно не человек.

— Бах!

Грохот одиночного выстрела в гулком, ограниченном пространстве бетонной лестницы вновь резанул по барабанным перепонкам. Не знаю, чувствуют ли эти твари боль — судя по всему, не особо, — но я физически ощутил, как зазвенело в голове. Легкая контузия. Зато мутант с простреленным черепом кулём скатился вниз по ступеням. Готов.

И тут началось.

С верхних этажей послышался тяжелый, нарастающий гул, похожий на топот стада гиппопотамов. Одновременно с этим в запертые двери квартир прямо рядом с нами, на втором этаже, начали яростно колотить изнутри, словно кувалдами. Твари реагировали на громкий звук выстрела. Они рвались к нам. И судя по всему некоторые двери поддавались и выбивались нелюдьми.

Я быстро занял удобную позицию внизу лестничного марша. Оставалось только ждать, когда эта лавина бывшего человечества вывалится на нас.

— Ствол от моего уха отведи, — сквозь зубы процедил я Лизе, заметив, что напарница с перепугу выставила пистолет прямо возле моей головы. Еще не хватало, чтобы она сдуру пальнула и оставила меня глухим.

Я щелкнул переводчиком огня на автомате, переведя его на стрельбу очередями. Сердце колотилось в грудной клетке с такой силой, что в мирное время меня бы немедленно упекли в кардиологию на обследование. Зато адреналин мощным, горячим потоком ударил в кровь, мгновенно смыв болезненный звон в ушах от контузии.

Голова больше не кружилась. Напротив, мозг заработал с пугающей, ледяной четкостью, готовя тело к смертельной схватке. Возможно, последней в моей жизни.

Судя по нарастающему грохоту, который спустился уже куда-то в район четвертого этажа, к нам в гости прямо сейчас катилась целая толпа разъяренных мразей.

— Бах! Ба-бах!

В ушах вновь неприятно звенело, но не критично. Работать было можно, холодный рас-судок никуда не делся.

— Бах-бах! Бах-бах! — короткими очередями отсекал я, стараясь бить исключительно в головы.

Получалось далеко не всегда. Твари двигались рывками, неестественно быстро, смазанно, словно мультяшные персонажи или монстры в дешевом фантастическом фильме.

Я сознательно бил по тем, кто бежал в первых рядах и затруднял движение остальным. Упавшие тела создавали затор на узком марше, давая мне и моей напарнице те самые бесценные доли секунды, чтобы перевести ствол на следующую цель и качественно прицелиться.

— Бах! Бах!

Еще одна короткая очередь прошла по головам измененных. Пули прошивали черепа насквозь и с визгом впивались в бетон и штукатурку, кроша ее в мелкую крошку. В подъезде повисла густая, удушливая серая пыль, сильно затрудняющая видимость.

— Алга-а-а! — внезапно донеслось откуда-то сверху.

Я едва не сбился с ритма. Это совершенно точно был не рык, не вой и не клекот мутанта. Это был человеческий крик. Может не совсем адекватный, но кто в такой ситуации, да с неподготовленным сознанием, останется в душевном спокойствии.

— Бах-бах! – продолжал я бить из автомата.

Лиза тоже стреляла, не сбежала, да еще и не частила, старалась бить прицельно. А девочка с характером.

И все же звуки сверху были и человеческие. В подтверждение этого по ступеням, где-то с уровня пятого этажа, гулко подпрыгивая, покатила отрубленная голова твари.

Еще один выживший? Союзник? Что же это за долбоящер-терминатор такой, который вышел в тесный подъезд против этих скоростных тварей в рукопашную? С топором, что ли? Это ж каким профи нужно быть, чтобы успевать рубить головы таким дерганым ублюдкам!

Мысли мелькали на заднем плане, пока автомат продолжал сухо стрекотать. В какой-то момент внутренний таймер подсказал, что патроны в рожке на исходе. Я не стал дожидаться сухого щелчка бойка. Пользуясь тем, что часть тварей на лестнице на секунду отвлеклась и повернула морды назад, на крик неожиданного союзника, я мгновенно сбросил магазин и вбил новый.

— Бах-бах-бах! — выдал я длинную очередь патронов на семь, срезая тех, кто снова попер вниз.

— Отходим ниже! — рявкнул я.

Я сделал два быстрых шага спиной вперед и вновь уткнулся лопатками в женскую грудь.

— Лиза, соберись, твою мать! — прикрикнул я, силой подталкивая застывшую девицу еще на пролет ниже.

Она увлеклась. И среагировала на приказ только после того, как сделала еще один выстрел. Но попала в голову твари. Но не выполнила приказ... Но кто я ей... А тот, кто хоть как-то разобрался в последовательности действий!

Мы спустились чуть ниже. Нужно было сдать позицию. Дать возможность тварям вывалиться на ту площадку, где мы только что стояли. В поднявшейся пыли, среди кучи сплетенных тел, было уже совершенно непонятно, кто из них окончательно сдох, а кто просто лежит под грудой мяса и пробует выбраться. Кто-то дергал конечностями, кто-то вроде упокоился, но разобрать, где чья рука или нога, не представлялось возможным.

Расчет был прост: спуститься ниже, разорвать дистанцию и посмотреть, что будет. Те, кто остался в живых, обязательно попрут на нас из этой кучи-малы.

Так и случилось. Одна из тварей, видимо, приложив немалые усилия, чтобы вырваться из-под наваленного биомусора, мощно оттолкнулась и в слепом прыжке бросилась в нашу сторону.

— Тра-та-та!

Я дал длинную очередь навстречу, уже не целясь в голову, а просто вбивая свинец в силуэт, чтобы кинетической энергией пуль сбить атакующий порыв. Обезумевшее существо отбросило назад. Видимо, тварь получила серьезные повреждения, потому что вторая попытка броситься на нас выглядела жалко: мутант попытался подняться, опираясь только на одно колено и изуродованную руку.

— Бах!

Над самым моим ухом грохнул пистолетный выстрел. Лиза не сплеховала, всадив пулю точно в макушку нелюдо. Тварь обмякла.

Всё она сделала правильно. Это просто мое исследовательское любопытство требовало посмотреть на поведение подранков. Судя по всему, мир безвозвратно изменился, и нам нужно было изучать повадки этих тварей прямо на ходу. Мне не нужно было заглядывать в металлическую коробочку, что по недоразумению телефоном называют, или включать телевизор, чтобы понять: то, что творится здесь, сейчас происходит везде.

— Алга-а-а! — снова раздался истошный боевой клич.

Пыль немного осела, и я наконец увидел кричавшего.

По заваленному трупами лестничному маршу спускался мужик. В руках он сжимал огромный, мать его, полторный меч. И с каким-то маньячным упоением кромсал им уже убитых, лежащих на ступенях тварей. Складывалось полное ощущение, что ему доставляет огромное, почти физическое удовольствие методично отрубать руки, ноги и головы тем, кто и так уже был упокоен навечно моим свинцом.

Расчистив себе путь, мужик остановился, обтер окровавленный клинок о штанину убитого мутанта и посмотрел на нас.

— Приветствую вас, светлые люди! — торжественно, с легкой одышкой произнес этот странный во всех отношениях парень. Он приложил правую руку к груди и отвесил нам церемонный поклон.

Я моргнул, думая, что у меня галлюцинации от адреналина.

Парень был одет в самую настоящую кольчугу, ну насколько я в этом понимаю. Поверх которой были криво нашиты какие-то зеленоватые металлические пластины — не то медь, не то латунь. На голове у него красовался шлем абсолютно невообразимой формы, исторического прототипа которому я подобрать так и не смог. Это была не иерихонка, не шлем викинга и не топфхельм. Что-то дикое, кустарное и откровенно псевдоисторическое, словно из плохой фэнтези-игры.

— Ты кто такой, чудо? — только и смог спросить я, не опуская автомата.

Глава 5

Перед нами стоял эталонный, кристально чистый чудило на букву «М».

Здоровенный, плечистый хрен. Из-под дурацкого, явно самодельного шлема, сваренного из кусков жести, торчала длинная рыжая борода, заплетенная в тугую косичку. Судя по блестящей макушке, чувак был лысым, зато лицо украшала кривая татуировка. В носу и нижней губе поблескивали массивные металлические кольца, а в огромных, покрытых ссадинами ручищах он сжимал нечто, отдаленно напоминающее двуручный меч, выточенный из толстой рессоры. С лезвия густо, жирными каплями, стекала черная кровь.

Впрочем, всё познается в сравнении. На фоне тех гниющих, плотоядных тварей, из которых мы только что накрошили знатный винегрет этажом ниже, этот ряженный крестоносец казался просто образцом психического здоровья и адекватности.

— Я пребывал у дамы сердца, обитающей на девятом этаже, — печально, но с достоинством ответил «рыцарь», поднимая забрало своего дурацкого шлема. — Но увы... Дама превратилась в гоблина гораздо раньше, чем я успел протрезветь. Пришлось ее того... мечом правосудия. Скверну очистил, как душу освободил.

— Суров ты с дамами, — хмыкнул я, не сводя глаз с лестничного пролета, откуда тянуло медным запахом крови и распоротых кишок.

— Ну а как? Просыпаешься с бодуна, а она — орчиха! Рычит, глаза белые, слюна капает, да еще и норовит кадык тебе выкусить.

— Ну, эдак можно половину женщин в клубах окрестить, особенно под утро, когда они засыпают с килограммами штукатурки на лице, — заметил я.

Сюрреализм происходящего просто зашкаливал. Это был какой-то гребаный театр абсурда. Мы стояли на заплеванной лестничной клетке, воняющей хлоркой и смертью, и на полном серьезе обсуждали утренние конфузы с женщинами. А всего в паре метров от нас, за хлипкой металлической дверью подъезда, бесновался ад.

Кругом стоял невообразимый, сводящий с ума шум. Нелюди ломались во все щели. Это была жуткая полифония: глухие, ритмичные удары тел о металл, визгливый, почти пороссячий писк, утробное булькающее рычание. Но хуже всего был скрежет. Сотни мертвых пальцев пытались процарапать сталь голыми ногтями. Звук был такой, словно кто-то сдирал эмаль с кастрюли ржавым гвоздем — от него сводило зубы и хотелось выть.

И вдруг из этой симфонии апокалипсиса я вычленил еще один звук. Чужеродный. Нарастающий. Низкочастотный механический гул, от которого завибрировали бетонные ступени под ногами.

— Самолёт, — бросил я, мгновенно прерывая рыцарские байки.

Гул сверху нарастал с чудовищной скоростью, превращаясь в рев, перекрывающий даже завывания тварей на улице. Я бросил взгляд на плотно закрытые окна лестничной клетки. За грязными стеклами мелькнуло темное брюхо. Тень колоссальной машины на долю секунды накрыла двор, отрезав свет. Он шел слишком низко. Катастрофически низко.

— Ложись! — только и успел рявкнуть я.

— Ба-бах!

Звук колоссально мощного взрыва где-то неподалеку на миг абсолютно оглушил. А спустя удар сердца до нашего подъезда дошла взрывная волна. Здание содрогнулось, будто живое. Ощущение даже не трехтысячной бомбы, но больше.

— Дзынь! — треснуло и посыпалось стекло на втором этаже у мусоропровода.

Время словно замедлилось. Казалось, я видел, как толстое стекло в окне сначала пошло мелкой паутиной трещин, выгнулось пузырем, а затем с хрустальным звоном обрушилось внутри подъезда сверкающим водопадом осколков.

Я едва успел уйти с линии поражения, вжавшись спиной в надежную несущую стену. А вот парня-смельчака с мечом взрывной волной швырнуло в сторону так, что он с грохотом рухнул на бетонный пол лестничной клетки.

— Точно магия! — проревел он, ошалело мотая головой.

Неисправим, похоже. Сказочный долбомет.

Он неуклюже сел, уставился на свои трясущиеся ладони, затем крепко зажмурился. Парень начал тужиться. Напрягался так сильно, что, казалось, сейчас из него действительно что-нибудь выйдёт. Прямо как в той мудрой философской мысли, которую иногда пишут маркером на стенах в общественных туалетах: «не тужься, ничего хорошего из тебя всё равно не выйдёт».

— Придурок, — дала ёмкую, исчерпывающую характеристику этому явно не от мира сего парню Настя, брезгливо отряхивая одежду от стеклянной пыли и разгоняя от себя неплотное облако пыли.

Между тем я осознал очередную, куда более насущную опасность. Окна около мусоропровода были выбиты подчистую. А со второго этажа, именно через эти пустые рамы, можно было без особых проблем залезть прямо с козырька подъезда.

Я рванул туда. Это был склад ненужных вещей. От колясок до сломанной гитары и строительного мусора. Дверь в этот склад всего ненужного, что было лень выбросить на мусорку, была открыта.

Я взглянул в окно, которое выходило на козырек. Уж не знаю, что именно двигало этими тварями вниз: обладали ли они зачатками коллективного интеллекта, или им было достаточно голых инстинктов и первобытной жажды убийства, — но они уже полезли на этот козырек. Сначала у них не получалось. Они срывались, падали. Но у подъездного козырька столпилась такая плотная, рычащая масса, что некоторые особи начали карабкаться вверх прямо по спинам, плечам и головам своих резко деградировавших товарищей по безумству, образуя живую, шевелящуюся лестницу.

— Держим окна! — рявкнул я, выдергивая людей из оцепенения.

— Есть две гранаты! — неожиданно твердым голосом сообщил мне молодой летёха.

Я быстро посмотрел на него. Надо же. Неужели наконец-то освоился? Или инстинкт самосохранения заставил соображать быстрее, как только мы закрыли за собой хлипкую дверь в подъезд? В любом случае, гранаты — это именно то, что нам сейчас жизненно необходимо.

— Бросай одну вниз. После, через пару минут, как пыль осядет — вторую, — приказал я, оценивая сектор обстрела.

Да, это хоть какое-то решение проблемы. Судя по нарастающему вою, внизу становилось всё больше тварей — они явно пёрли сюда на звуки возни и битого стекла. И, в конце концов, их количество должно быть конечным. Точно так же, как конечным было количество обычных людей, проживавших в этом спальном микрорайоне до начала кошмара.

Летёха решительно шагнул к разбитому окну, выдернул чеку и швырнул ребристый цилиндр вниз, в гущу тел.

Рвануло так, что посыпалась штукатурка. В замкнутом пространстве двора-колодца взрыв гранаты оказался едва ли не более оглушающим, чем недавнее падение самолета. В ушах противно зазвенело.

Я тут же высунулся из окна в облако едкого дыма, чтобы оценить результаты, и нечаянно цапнул себя по боку о торчащий из рамы острый осколок стекла. До кожи не дошло, но, видимо, мой костюм окончательно превратился в изодранную половую тряпку.

На удивление, сквозь рассеивающийся дым я заметил, что немалое число уцелевших нелюдей уже не лезет на козырек, а бежит куда-то направо, проносясь мимо нашего подъезда. Оттуда же, из-за домов, надвигалось гигантское облако из серой строительной пыли, бетонной

крошки и черной гари. Сработало. Благодаря рухнувшему самолету на нас стали обращать чуть меньше внимания. Главный источник шума сместился.

— Всем замереть и говорить только шепотом! — приказал я, вжавшись в стену в слабой надежде, что теперь нелюди нас точно оставят в покое.

Не оставили. Точнее, не все. Внизу все еще копошились и хрипели недобитые твари.

— Тут нет магии! У меня ничего не получается! — вдруг заскулил сидящий на корточках толкинист, словно бы и не слыша моего приказа о тишине.

Этот сумасшедший (или просто пьяный, заигравшийся идиот) продолжал свои эксперименты. Он то картинно вытягивал вперед руки, то делал пассы пальцами, то пытался метать невидимые молнии одними лишь выпученными глазами. Он пыжился до багровой красноты, покрылся испариной и едва ли не посинел от натуги. Но, ожидаемо, так ничего из себя и не выдал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.